

*Библейско-богословская коллекция*  
Серия «Богословские исследования»

# ГЛАВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ПЕЛАГИАНСКОЙ ЭПОХИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Христианское чтение, 1879, II, с. 318–368

© Сканирование и создание электронного варианта:  
издательство «Аксион эстин» ([www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)), 2009



*Аксион эстин*  
Санкт-Петербург  
2009

## Главные дѣтели пелагіанской эпохи: историческіе портреты.

Въ настоящей статьѣ мы не намѣрены входить въ подробности пелагіанскихъ споровъ, а обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на личные характеры главныхъ дѣтелей этой эпохи. Это тѣмъ болѣе интересно, что составители полныхъ курсовъ церковныхъ исторій болышею частію опускаютъ этотъ предметъ и, обращая преимущественное вниманіе на мнѣнія и соборы, ничего не говорятъ о личныхъ свойствахъ дѣйствующихъ лицъ. Относительно лицъ, принимавшихъ участіе въ развитіи и уничтоженіи пелагіанства, существуютъ прекрасныя и основательныя монографіи иностранныхъ ученыхъ: Янсенія, Ушера, кардинала Нориса и патера Гарнера. Изъ нѣмецкихъ ученыхъ изслѣдователей историческая сторона пелагіанства превосходно обрисована профессоромъ Виггерсомъ <sup>1)</sup>: а догматическая и философская—основательно и всесторонне раскрыта докторомъ Вертеромъ <sup>2)</sup>.

Пелагій—самый древній британскій богословъ. Мы намѣрены нарисовать портретъ этого старѣйшаго британскаго мыслителя чертами, сохранными его современниками. Рядомъ съ Пелагіемъ мы помѣщаемъ его друга и постояннаго товарища Целестія. Есть основанія предполагать, что они по происхожденію были близкими сосѣ-

---

<sup>1)</sup> Versuch einer pragmatischen Darstellung des Augustinismus nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Von Gustav Wiggers. 1833.

<sup>2)</sup> Der Pelagianismus nach seinem Ursprunge und seiner Lehre. Von Dr. Friedrich Wörter. 1866.

дьями и, различаясь характерами, были крѣпко соединены узами дружбы; и до самой той поры, когда Пелагій больше не является въ церковной исторіи, ихъ судьбы были неразлучны.

Начнемъ съ того, на что мы имѣемъ весьма достаточныя доказательства, именно съ извѣстія, что Пелагій былъ британецъ. Августинъ, Иеронимъ, Просперъ, Орозій—всѣ весьма ясно утверждаютъ это <sup>1)</sup>. Есть извѣстіе, что Пелагій родился въ одинъ день съ своимъ знаменитымъ противникомъ блаженнымъ Августиномъ (въ 351 г.). Во всякомъ случаѣ его рожденіе должно быть отнесено къ половинѣ четвертаго вѣка—не позже, потому что, когда споры, возбужденные его мнѣніями, въ первый разъ начали производить въ мірѣ шумъ (между 410 и 420 годами), онъ описывается уже какъ сѣдовласый старецъ <sup>2)</sup>. Общественное положеніе Пелагія столь же несомнѣнно извѣстно, какъ и его родная страна. Августинъ, отцы Діоспольскаго собора, Златоустъ, Орозій—всѣ говорятъ, что онъ былъ монахъ. Къ этому средневѣковые хроникеры присовокупляютъ, что онъ былъ монахъ знаменитаго впоследствии Бангорскаго монастыря, что онъ здѣсь былъ не просто монахомъ, но и настоятелемъ и управлялъ 2000 монаховъ.

Кто такой былъ Целестій? Вопросъ объ его національности весь вращается на толкованіи одного мѣста у блаженнаго Иеронима. Мы не имѣемъ ни времени, ни мѣста, ни охоты излагать противорѣчащія мнѣнія о происхожденіи Целестія; по внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, вмѣстѣ съ Бароніемъ, Ушеромъ, Янсеніемъ и Норисомъ мы принимаемъ, что, когда въ предисловіи къ 3-й книгѣ Толкованія на Іеремію, Виелеемскій затворникъ описываетъ, что Пелагій „имѣетъ въ качествѣ своего неразлучнаго спутника альбійскую собаку,—своего жирнаго и дороднаго товарища, который по видимому болѣе опасенъ своими пятами, чѣмъ зубами, который

---

<sup>1)</sup> Augustinus ad Paulinum Nolanum epist; Hieronymus ep. ad Ctesiphontem; Prosper Aquit. Chronicon; item Liber de Ingratis, p. 1; Pauli Orosii Apologet. p. 63 (edit. Mogunt).

<sup>2)</sup> Isidori Pelusiotae, lib. I. Ep. 314.

произошелъ отъ шотландскаго племени, ближайшаго сосѣда Бриттовъ“,—что здѣсь онъ разумѣлъ не кого другаго, какъ Целестія. Если такъ, то Целестій принадлежалъ къ тому племени, которое дало столь многихъ представителей ранней учености, къ племени Бригены и Дунса,—словомъ былъ ирландецъ. И онъ также по всей вѣроятности былъ монахъ. Геннадій, писатель пятаго вѣка, говоритъ, что онъ писалъ трактаты de monasterio. „Но, замѣчаетъ на это патеръ Гарнеръ, это не значитъ, что онъ писалъ изъ монастыря, но о монастырской жизни“. Согласны; но кому естественнѣе писать о монашествѣ, какъ не монаху? Марій Меркаторъ утверждаетъ, что Целестій былъ адвокатъ и занимался въ судахъ. И на это согласны; но монахъ могъ очень удобно заниматься и адвокатурой, пока не было еще, какъ и не было тогда, установлено никакихъ правилъ для монашества и монахи свободно путешествовали, занимаясь всѣми житейскими дѣлами. Нѣкоторые изъ нихъ были даже женаты и жили въ средѣ своихъ семействъ <sup>1)</sup>. Августинъ, опровергая пелагианизмъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „ересь эта произошла не отъ епископовъ, не отъ пресвитеровъ, не отъ клириковъ какихъ нибудь, а отъ людей въ родѣ монаховъ (quibusdam veluti monachis) <sup>2)</sup>. Множественное число (monachis) даетъ знать, что Августинъ разумѣлъ здѣсь обоихъ Пелагія и Целестія, а презрительная неопредѣленность выраженія (veluti — какъ-бы) очевидно указываетъ на ихъ свѣтское поведеніе. Вертеръ въ своемъ сочиненіи посвящаетъ цѣлую главу вопросу: не былъ ли пелагианизмъ естественнымъ развитіемъ монашества, и рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно <sup>3)</sup>. Но хотя монашество и пелагианство и не относятся одно къ другому, какъ причина къ слѣдствію: то не-

---

<sup>1)</sup> Gennadius, De viris illustribus, p. 16; Garnerii, Marius Mercator, p. 140; См. Bingham's Antiquities, B. VII. c. 2, 3.

<sup>2)</sup> August. de Gestis Palaest.

<sup>3)</sup> Онъ также ставитъ происхожденіе пелагианства въ связь съ друидизмомъ; но при этомъ высказываетъ то послѣднее заключеніе, что о друидизмѣ мы знаемъ слишкомъ мало для того, чтобы много говорить объ этой связи.

сомнѣнно, что основатели пелагіанства были монахи. Выступление ихъ въ качествѣ учителей и проповѣдниковъ не могло обойтись безъ сопротивленія и укоризнъ со стороны клира. „Дѣло монаха“, говоритъ блаженный Іеронимъ, „не учить, а плакать“. Покушеніе свѣтскаго человѣка (не принадлежащаго къ клиру) принять участіе въ церковныхъ спорахъ было весьма оскорбительно для священниковъ и епископовъ. „Эта ересь (т. е. пелагіанство) проповѣдана свѣтскими“, съ горькимъ презрѣніемъ пишетъ Орозій. „Вздумали еще спрашивать Пелагія, мірянина, и сажать его въ собраніи пресвитеровъ“, восклицаетъ тотъ же писатель <sup>1)</sup>.

Но что заставило двухъ этихъ монаховъ изъ варварскаго племени оставить свои западныя пустыни и отправиться въ центръ тогдашняго образованнаго міра — въ Римъ? Что побудило ихъ идти на проломъ, обратить на себя внимательные взоры всего христіанскаго міра и сдѣлаться мишенью для самыхъ грозныхъ выстрѣловъ, которые направлялись въ нихъ искуснѣйшими руками? Это были лица, въ груди которыхъ крылась сильная и горячая любовь къ знанію. Они сознавали въ себѣ силы, они хотѣли раскрыть эти силы предъ людьми, способными оцѣнить оныя. Они желали встрѣтить лицомъ къ лицу и послушать тѣхъ знаменитыхъ учителей вѣры, о которыхъ они слышали такъ много на отдаленномъ западѣ. При рѣдкости и недостаткѣ книгъ ученость тогда была принадлежностію немногихъ мѣстностей и доступъ къ ученымъ и знакомство съ ихъ познаніями были возможны тогда только подъ условіемъ путешествій. Въ какое время съ этими намѣреніями Пелагій и Целестій оставили свою родину, это не можетъ быть опредѣленно рѣшено, хотя довольно близко можетъ быть опредѣлено время прибытія ихъ въ Римъ. Но между оставленіемъ родины и прибытіемъ въ Римъ многое могло случиться съ ними и многое могло пройти времени. И вѣроятно на этотъ періодъ намекаетъ Исидоръ Пелусіотъ въ своемъ письмѣ, въ которомъ онъ описываетъ, какъ Пе-

---

<sup>1)</sup> P. Orosii, Apologet. pp. 622, 623.

лагій переходилъ изъ монастыря въ монастырь, чтобы попробовать, какой гдѣ столъ у монаховъ <sup>1)</sup>. Последняя фраза, можетъ быть, вызвана ожесточеніемъ спора, но путешествія ересіарховъ изъ монастыря въ монастырь могутъ быть приняты какъ фактъ. Въ Египтѣ эти два западные монаха увидѣли цѣлыя населенія проводящими монастырскую жизнь; здѣсь впервые они могли отъ суровыхъ аскетовъ услышать уроки относительно глубокаго паденія челоуѣческой природы. Отсюда вѣроятно они отправились въ Константинополь, гдѣ удостоились знакомства и заслужили уваженіе лица, дружба котораго была для нихъ особенно лестна. Въ 405 г. св. Златоустъ писалъ Олимпіи: „О монахѣ Пелагіѣ я весьма скорблю. Подумайте, какихъ вѣнцовъ заслуживаютъ тѣ, которые мужественно стоятъ за правду тогда, когда люди, проводящіе столь строгую и самоотверженную жизнь, находятся въ изгнаніи“ <sup>2)</sup>. Златоустъ уважалъ Пелагія, какъ челоуѣка, хотя и оплакивалъ его ошибочныя мнѣнія. Но все тянуло двухъ западныхъ монаховъ въ Римъ, куда они вскорѣ и отправились.

Царственный городъ не утратилъ ни одной привлекательной черты и послѣ того, какъ пересталъ быть столицею Запада. Императоръ могъ жить въ Медіоланѣ или въ Равеннѣ, въ Галліи или въ Британіи, а Римъ все еще оставался истинною главою западной имперіи. Важныя преимущества принадлежали римской каедрѣ, основанной въ то еще время, когда городъ былъ владыкою міра; вслѣдствіе уваженія къ римскому епископу, сдѣлавшагося обычаемъ, ему при-

---

<sup>1)</sup> Isidorus Pelusiota, lib. I. p. 314; Baron. Ann. v. 305; Jansen. de Haeres. Pelag. 1. 3.

<sup>2)</sup> Это четвертое письмо къ Олимпіи писано Златоустомъ, когда онъ находился въ ссылкѣ въ Арабію. Оно много говоритъ въ пользу Пелагія и противорѣчить отзывамъ о немъ Орозія и Исидора. Гарднеръ и кардиналъ Порисъ думаютъ, что Златоустъ говоритъ здѣсь о другомъ Пелагіѣ, а не о британскомъ монахѣ, но для этого мнѣнія они не представляютъ никакого основанія. Виггерсъ говоритъ: „Златоустъ въ этомъ письмѣ скорбитъ о Пелагіѣ не за его ересь, а за то, что онъ покинулъ ряды партіи, защищавшей невинность Златоуста. Объясненіе остроумно, но едва ли удовлетворительное. (Wiggers, 1. 35).

надлежалъ вліятельный голосъ во всѣхъ многообразныхъ и непрерывныхъ спорахъ въ нѣдрахъ Христовой церкви. На римскаго епископа смотрѣли съ почтеніемъ и его мнѣніе выслушивали съ уваженіемъ его собратія — епископы другихъ церквей; и другія привлекательныя особенности города были такъ сильны, что манили къ нему, какъ къ общему центру, всѣхъ великихъ мыслителей и изслѣдователей. Здѣсь блаженныя Іеронимъ и Августинъ еще недавно показывали свои обширныя познанія и пламенное краснорѣчіе. Здѣсь жилъ Руффинъ, слава и ученость котораго были извѣстны всему христіанскому міру. Что же удивительнаго, если Пелагій и Целестій, люди любившіе заниматься богословскими умозрѣніями, предприняли путешествіе въ Римъ. Они прибыли сюда въ первосвященство или Сириція или Анастасія, въ послѣднее десятилѣтіе IV вѣка. Въ эту пору въ Римѣ главною всепоглощающею заботою, предметомъ особеннаго интереса была религія и вопросы, тѣсно связанныя съ нею. Пребываніе Іеронима въ вѣчномъ городѣ и горячая ревность, съ какою онъ ратовалъ здѣсь за аскетическую и монашескую жизнь противъ свѣтскаго клира, взволновали общество до глубины. Удивленіе и благоговѣніе къ монашеству сдѣлались общими. Сочиненія Августина и Іеронима произвели энтузіазмъ, который дышалъ смертельною непріязнію ко всему, что льститъ чувствамъ, или благопріятствуетъ удобствамъ и покою въ жизни. Рядомъ съ этимъ энтузіазмомъ царилъ въ Римѣ крайняя распущенность нравовъ, и язычество, если не во внѣшнихъ своихъ обрядахъ, то въ духѣ своемъ еще продолжало существовать и проявлять себя. Въ этотъ-то Вавилонъ мнѣній пришли два западныхъ монаха. Они пришли, подобно древнимъ философамъ, сюда, чтобы всесторонне провѣрить тѣ предметы, о которыхъ въ ту пору разсуждали съ такою дикою яростью и съ страшными взаимными перекурами. Они пришли сюда съ цѣлію — примѣнить къ дѣйствительности субъективное ученіе греческаго богословія, которое никогда не выводило изъ своихъ положеній окончательныхъ логическихъ выводовъ и практическихъ заключеній касательно человѣческой природы. Они старались

доискаться способа, какъ бы великую истину свободы человѣческой воли и очевидную власть человѣка избирать между двумя противоположностями согласить съ крайними мнѣніями о бѣдности и безпомощности человѣческой природы и о необходимости страшныхъ суровостей для умерщвленія плоти. Они не были совершенными новичками въ сочиненіи богословскихъ книгъ. Мы уже упоминали о трактатѣ, который приписывается Целестію. Пелагій также упоминается у Геннадія въ его „Каталогъ“, какъ авторъ. „Пелагій ересіархъ, прежде чѣмъ онъ сталъ извѣстенъ какъ еретикъ, написалъ три книги о „*Вѣръ въ Троицу*“, весьма полезныя для изученія, и для цѣлей практической жизни составилъ компиляцію, въ которой собралъ самыя разительныя мѣста Св. Писанія, раздѣливъ оную на главы съ особенными заглавіями, какъ это прежде сдѣлалъ св. Кипріанъ“<sup>1)</sup>.

Сохранились нѣкоторыя подробности и относительно наружныхъ особенностей этихъ двухъ путешественниковъ, но ихъ надобно принимать съ осторожностью, такъ какъ онѣ записаны ихъ врагами. Пелагій описывается лысымъ, хромымъ и кривымъ (одноглазымъ); онъ, говорятъ, былъ высокаго роста, отличался физическою силою и не показывалъ на своемъ лицѣ никакихъ признаковъ умерщвленія плоти, а скорѣе обнаруживалъ, что онъ не отказывалъ себѣ въ роскоши баловъ и пировъ и въ другихъ подобныхъ противуаскетическихъ излишествахъ<sup>2)</sup>. Виггерсъ впрочемъ не смущается нисколько такимъ некрасивымъ внѣшнимъ видомъ своего героя. Въ противность Орозію, который можно думать писалъ такъ изъ вражды, нѣмецкій ученый утверждаетъ, что наружность Пелагія не отличалась особенными недостатками. „Это можно видѣть, пишетъ онъ, даже изъ описанія, сдѣланнаго его противникомъ Орозіемъ; Пелагій имѣлъ внушительную наружность, держалъ себя съ достоинствомъ и не былъ неряхой въ одеждѣ“<sup>3)</sup>. Если мы обра-

<sup>1)</sup> Gennadius, Catal. Vir. illustr. p. 16.

<sup>2)</sup> Orosius, Apologet. pp. 639, 666.

<sup>3)</sup> Wiggers, 1. 34.

тимъ теперь вниманіе на приведенныя уже нами слова Іеронима о Целестіѣ, то онъ можетъ быть описанъ, какъ „толстый товарищъ, хорошо откормленный шотландской похлебкой, высматривающій человѣкомъ, котораго пинокъ былъ бы опасенъ“. Вѣроятно, очень умѣренной толстоты и дородности Целестія было достаточно, чтобы вызвать эту желчь съ пера Вилеемскаго затворника.

Но какова бы ни была наружность двухъ друзей, ни эта наружность, ни ихъ иноземное происхожденіе, ни ихъ неуклюжія манеры, ничто не помѣшало имъ быстро достигнуть извѣстности и даже популярности въ Римѣ. Еще прежде 399 года, когда Руффинъ изъ Рима переселился въ Аквилею, они коротко познакомились съ нимъ и узнали отъ него тѣ оригенистскія воззрѣнія, которыя потомъ легли въ основу ихъ богословеской системы. Руффинъ жилъ въ домѣ Паммахіа, который самъ обратился въ христіанство изъ язычества. Паммахій былъ сенаторъ; жена его Павлина была дочь Павлы, друга Іеронимова. Послѣ ея смерти онъ удалился въ уединеніе, завѣщавъ все свое имущество на благотворительныя учрежденія. Въ домѣ Паммахіа западные монахи должны были встрѣтить все, что было выдающагося въ религіозномъ или въ ученомъ мірѣ Рима и скоро сами они сдѣлались важными дѣятелями въ обществѣ великаго города. Извѣстность, пріобрѣтенная Целагіемъ въ Римѣ, достигла и до Августина — въ Африкѣ. Августинъ пишетъ, что „Целагій давно знакомъ ему и что онъ слышалъ о немъ самыя высокія похвалы“. Целагій по его мнѣнію «святой мужъ и почтенный христіанинъ; онъ его возлюбленный и возжеланный братъ», о счастіи и благоденствіи котораго ему приятно слышать и котораго онъ отъ всей души благодаритъ „за его доброе расположеніе къ его малости“ <sup>1)</sup>. Въ Римѣ было много и другихъ знаменитыхъ лицъ, дружба съ которыми Целагіа говоритъ весьма много въ его пользу. Имя Понтія Неронія Павлина хорошо

<sup>1)</sup> *August. de Gestis Palaest. Opera VII. 516 (edit. 1616); De Peccatorum mer. et. rem. Opera VII. 273.*

извѣстно не только изучающимъ церковную исторію, но и читавшимъ Гиббона. Судьба этого знаменитаго чловѣка дала невѣрующему историку случай къ одной изъ его обычныхъ болкихъ епиграмъ: „Онъ (Павлинъ) преемственно былъ консуломъ, монахомъ, епископомъ, и посвятилъ остатки своихъ богатствъ и своего разсудка на служеніе славному мученику св. Феликсу“<sup>1)</sup>. Дошедшія до насъ письма и поэмы Павлина свидѣтельствуютъ объ его талантѣ и вкусѣ; и это въ свою очередь служить доказательствомъ существованія такихъ же качествъ и въ Пелагій, который пользовался полнымъ расположеніемъ Павлина. „Мы знаемъ, пишетъ Августинъ къ Павлину, какъ ты любилъ британца Пелагія и въ немъ чтилъ слугу Божія. Но не знаемъ, продолжаешь ли ты любить его и доселѣ. И мы не только любили его, но любимъ его и теперь, хотя природа нашей любви къ нему измѣнилась. Тогда мы любили его, потому что, какъ казалось, онъ содержалъ правую вѣру, а теперь мы желаемъ, чтобы милость Божія освободила его отъ мнѣній, враждебныхъ благодати Божіей, которыхъ онъ, говорятъ, держится“<sup>2)</sup>. Есть основаніе предполагать, что Павлинъ былъ искреннимъ и самымъ близкимъ другомъ Пелагія. Павлину Пелагій адресовалъ свое письмо по вопросу о благодати тогда, когда ропотъ и жалобы стали уже слышаться въ Римѣ на неправославный языкъ Пелагія объ этомъ предметѣ. „Пусть они прочитаютъ то посланіе (писалъ Пелагій папѣ Иннокентію въ 417 году), которое 12 лѣтъ назадъ я писалъ къ святому мужу епископу Павлину, и въ которомъ на 300 строкахъ ни о чемъ другомъ не разсуждается, какъ только о благодати и помощи Божіей и о томъ, что безъ Бога мы не можемъ сдѣлать ничего добраго“. Здѣсь мимоходомъ замѣтимъ, что самъ Августинъ держался далеко другаго взгляда на это письмо. „Я прочиталъ (пишетъ онъ) письмо и нашелъ, что оно главнымъ образомъ выдвигаетъ на видъ силу и способности природы и въ нихъ полагаетъ сущность благодати Христовой. По хри-

---

<sup>1)</sup> Decline and Fall, chap. XXXI.

<sup>2)</sup> Август., Ep. ad Pavinum Nolanum.

стианской благодати оно касается съ такою краткостію, едва называя ее по имени, которая даетъ понять, что о ней упомянуто изъ страха обвиненія въ полномъ молчаніи о великомъ дарѣ Божіемъ<sup>1)</sup>. Самое письмо утрачено. Мы впрочемъ старались только показать, что Пелагій пользовался въ Римѣ уваженіемъ; и въ прибавленіе къ отзывамъ о немъ Златоуста, Августина и Павлина скажемъ, что онъ могъ представить удостовѣренія отъ многихъ другихъ епископовъ, которые все говорятъ объ его характерѣ въ самыхъ похвальныхъ выраженіяхъ<sup>2)</sup>. Въ умственномъ отношеніи оба монаха стояли также высоко, какъ и въ нравственномъ. Августинъ считаетъ „ихъ способности великими и острыми“. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ обоихъ людьми „весьма умными и развѣтными“. Пелагій „въ высшей степени проникателенъ“, Целестій— „человѣкъ съ весьма крѣпкимъ разсудкомъ“. Письма и рѣчи Пелагія описываются какъ „сильныя и огненныя“, а его книги—какъ „сдѣлавшіяся популярными своимъ ѣдкимъ и краснорѣчивымъ языкомъ“<sup>3)</sup>. Правда Іеронимъ усиливается выставить Пелагія и Целестія людьми, достойными презрѣнія, смѣха и осмѣянія, называя ихъ невѣждами и людьми малоспособными столько же, сколько и еретиками. Такой суровый отзывъ вполнѣ впрочемъ объясняется запальчивостію этого полемиста, который никогда не способенъ былъ признать въ противникѣ ни малѣйшаго достоинства. Ученый епископъ Янсеній справедливо замѣтилъ: „При всемъ уваженіи къ Іерониму, я предпочитаю вѣрить въ ихъ умъ и въ литературныя способности, основываясь не только на авторитетѣ Августина, а также и на другихъ достовѣрныхъ фактахъ, относящихся къ дѣлу. Кромѣ того, что ихъ аргументы причинили немало хлопотъ самому блестящему гегію, какой только когда либо являлся въ христіанской церкви (разумѣется Августинъ), даже тотъ небольшой трактатъ, противъ кото-

<sup>1)</sup> Aug. de Gratia Christi, Opera VII. 293.

<sup>2)</sup> Aug. de Gestis Palaest. Opera VII, 517.

<sup>3)</sup> Августинъ: epistolae ad Paulinum, ad Bonifacium, ad Julianum, De Natura et Gratia, De Gestis Palaestinis.

раго составлена, Книга о совершенствѣ“, полонъ столь сильныхъ и основательныхъ доказательствъ, что великій человѣкъ со смысломъ не можетъ не видѣть, что авторы онаго были люди съ большими природными способностями и хорошо знакомы съ философіею“<sup>1)</sup>. Письмо къ Димитріи, изъ котораго мы приведемъ внослѣдствіи нѣкоторыя извлеченія, всѣми признается за замѣчательное сочиненіе. И близость, въ какой находился Пелагій къ фамиліи этой благородной римлянки, составляетъ очень сильное доказательство высокаго уваженія, которымъ онъ пользовался въ Римѣ. Аниціанская фамилія, къ которой она принадлежала, была знатнѣйшею и богатѣйшею въ городѣ, и стояла во главѣ гордой римской аристократіи. Иностранному монаху получить доступъ въ такую фамилію въ качествѣ друга и духовнаго совѣтника—дѣло весьма не легкое.

Пребываніе Пелагія и Целестія въ Римѣ продолжалось отъ 15 до 16 лѣтъ. Но трудно сказать, въ какой именно періодъ они въ первый разъ подпали подозрѣнію въ ложномъ ученіи. Причиною, непосредственно заставившею Пелагія объявить себя противъ общепринятаго ученія, была, какъ онъ самъ рассказываетъ, популярность „Исповѣди Августина“. Это замѣчательное сочиненіе, по мнѣнію Пелагія, выдвигало въ слишкомъ уже рѣзкой формѣ крайнее самоотреченіе и безпомощность человѣчества и, повидимому, оскорбило мудрость и благость Творца почти манихейскимъ осужденіемъ человѣческой природы. Съ самаго начала V столѣтія британскій монахъ началъ и въ устныхъ чтеніяхъ и въ краткихъ статьяхъ возставать противъ подобныхъ воззрѣній. Письмо Златоуста, въ которомъ онъ оплакиваетъ паденіе Пелагія, должно быть отнесено къ 405 году; къ этому же году относится объяснительное письмо Пелагія къ Павлину Ноланскому. Но всѣ согласны, что Пелагій излагалъ и распространялъ свое ученіе съ крайнею осторожностію. „До меня начали доходить (пишетъ Августинъ) изъ Рима слухи, что онъ спорить противъ Благодати Божіей, и хотя я опе-

<sup>1)</sup> Jansenius de Heres. Pelag. I. 2.

членъ этимъ и имѣю объ этомъ извѣстія отъ лицъ достойныхъ довѣрія, тѣмъ не менѣе отъ него самого я не слышалъ ничего подобнаго и нѣтъ у меня здѣсь никакого его сочиненія, которыми бы я могъ повѣрить слухи“<sup>1)</sup>).

Въ первый разъ довольно ясно Пелагій высказалъ свои воззрѣнія въ краткомъ комментарий или въ примѣчаніяхъ къ посланіямъ апостола Павла. Что сочиненіе это было писано до удаленія его изъ Рима въ 409 или 410 г., на это мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство Марія Меркатора: „Онъ еще прежде удаленія изъ Рима дерзнулъ составлять комментарий на апостола Павла“<sup>2)</sup>. Но въ этихъ примѣчаніяхъ авторства въ собственномъ смыслѣ не было: методъ ихъ—больше постановка вопросовъ и возраженій, чѣмъ изложеніе опредѣленнаго ученія. Этой особенноти, вѣроятно, мы и обязаны тѣмъ, что „примѣчанія“ Пелагія сохранились между сочиненіями его великаго противника блаж. Иеронима, и, подобно Пелагіеву исповѣданію вѣры, часто приписывались вилеемскому затворнику. Они предназначались служить болѣе программой и руководствомъ для его учениковъ и друзей, чѣмъ быть чисто полемическимъ сочиненіемъ, отъ составленія котораго Пелагій всѣми силами уклонялся. Не ранѣе 412 года Августинъ въ первый разъ попалъ на воззрѣнія Пелагія въ трактатъ къ Марцеллину<sup>3)</sup>. До самаго почти нашествія Аларика Пелагій продолжалъ учить и читать въ Римѣ. Къ этому времени мы должны отнести его краснорѣчивыя и горячія увѣщанія къ святой жизни, о которыхъ упоминаетъ Августинъ. Въ это же безъ сомнѣнія время находился въ числѣ учениковъ Пелагія самый знаменитый и ученый изъ его послѣдователей Юліанъ Екланскій. Епископъ Меморъ, отецъ Юліана, былъ любимымъ другомъ Августина и находился так-

<sup>1)</sup> Август. De Gestis Palaest. Opera VII. 516.

<sup>2)</sup> *Avsus est ante vastationem Romae in apostolum Pavlum commentarios condere. Marii Mercat. Comm. Cap. III.*

<sup>3)</sup> Гарнеръ полагаетъ, что эти комментаріи Пелагія были опубликованы въ 409 г., и что прежде этого Целестій написалъ книгу «О первородномъ грѣхѣ». *Marius Mercat., p. 7; Noris, Hist. Pelag. p. 22.*

же въ близкихъ отношеніяхъ съ Павлиномъ Нолянскимъ. Августинъ, переписываясь съ отцомъ, вспоминаетъ и о сынѣ съ самою нѣжною любовію. „Не смѣю сказать (пишетъ онъ), что я люблю его больше, чѣмъ тебя. Но могу сказать, что тоскую по немъ больше, потому что больше имѣю надежды увидѣть его. Еслибы ты дозволилъ ему предпринять путешествіе ко мнѣ, онъ совершилъ бы то, что и прилично ему какъ молодому человѣку, потому что онъ не можетъ еще имѣть большихъ заботъ, которыя удержали бы его дома, а онъ принесетъ тебя ко мнѣ болѣе быстро, чѣмъ какъ ты самъ можешь прибыть“. Противъ этого Юліана, который здѣсь съ такою нѣжностію привѣтствуется, Августинъ впоследствии въ жару великаго спора, въ которомъ онъ занималъ столь видное мѣсто, бросалъ самыя горячія и тяжелыя обвиненія. Но въ это время Юліанъ, какъ ученикъ Пелагія, воспринималъ уже сѣмена заблужденій, которыя послѣ принесли горькіе плоды.

Пелагій и Целестій оставили Римъ не задолго до окончательной осады и взятія города Аларикомъ въ 410 году. Опасность близкаго разрушенія предвидѣли, и большая часть знатныхъ фамилій выѣхала изъ Рима до катастрофы. Многіе отправились въ Африку, потому что здѣсь сенаторскія фамиліи владѣли помѣстьями. Сюда же отправилась знаменитая и богатая фамилія Димитріи; можетъ быть это обстоятельство побудило Пелагія и Целестія туда же направить свой путь. Весьма вѣроятно, на пути они останавливались въ Сициліи; своимъ ученіемъ здѣсь они произвели тѣ слѣдствія, которыя впоследствии Иларій описалъ въ письмѣ къ Августину. Пелагій въ это время горячо желалъ повидаться и побесѣдовать съ Августиномъ. Онъ отправился въ Иппонъ; но Августина не было дома,—онъ уѣхалъ въ Карфагенъ по дѣлу дона-тистовъ. Пелагій вслѣдъ за нимъ отправился въ Карфагенъ, присутствовалъ при разсужденіяхъ дона-тистовъ и православныхъ, руководимыхъ Августиномъ. Онъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ Августиномъ, но свиданія были коротки и торопливы,—Августинъ въ это время былъ весь погруженъ въ дона-тистскую рас-

прю. Пелагій оставилъ Африку и отправился въ Палестину; Целестій остался въ Карфагенѣ. Съ Иеронимомъ въ Палестинѣ не долго продолжались у него дружескія отношенія, какія и до сихъ поръ сохранялись у него съ Августиномъ. Онъ началъ болѣе свободно проповѣдывать свои еретическія мнѣнія, а Иеронимъ былъ не такой человѣкъ, чтобы могъ снести какое бы то ни было противорѣчіе. Притомъ въ Палестинѣ Иеронимъ долго царствовалъ неограниченно среди круга удивлявшихся ему благочестивыхъ женщинъ. Прибытіе популярнаго богослова-проповѣдника, осмѣливавшагося занять положеніе независимое отъ Иеронима, вызвало послѣдняго на сильное противодѣйствіе Пелагію. Между тѣмъ Целестій, оставшись въ Карфагенѣ, вступилъ уже въ горячую полемическую борьбу. Виггерсъ чрезвычайно проицательно и полно очерчиваетъ характеры Пелагія и Целестія:

«Целестій отличался отъ Пелагія характеромъ столько же, сколько и лѣтами. Моложе по возрасту, онъ былъ болѣе стремителемъ, чѣмъ его учитель, который довольно уже пожилъ на свѣтѣ. Пелагій ненавидѣлъ составія и не желалъ предъявлять притязаній на авторитетъ учителя. Целестій съ ревностію стоялъ за теоретическія воззрѣнія Пелагія, и чисто въ интересахъ истины съ жаромъ бился изъ за того, чтобы воззрѣнія эти были признаны другими; въ этомъ направленіи онъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ. Иеронимъ въ своемъ письмѣ къ Ктезифону говоритъ, что хотя Целестій — ученикъ Пелагія, но онъ больше чѣмъ тотъ, учитель и вождь своей партіи. Целестій излагалъ ученіе Пелагія больше съ теоретической, чѣмъ съ практической стороны; съ послѣдней разсматривалъ его самъ Пелагій; и повидимому Целестій приписывалъ большую важность логической защитѣ вѣрности его, чѣмъ его практическимъ примѣненіямъ. Такое различіе въ характерахъ этихъ двухъ лицъ дѣлаетъ для насъ понятнымъ слѣдующее замѣчаніе о нихъ Августина. «Какая еще найдется разница между Пелагіемъ и Целестіемъ (воскликаетъ онъ) исключая того, что послѣдній болѣе открытъ, первый болѣе скрытенъ, послѣдній болѣе упоренъ, первый болѣе уступчивъ, и наконецъ послѣдній болѣе честенъ, первый болѣе лукавъ (Avg. de Pessat. Orig. Op. VII, 300) <sup>1)</sup>».

<sup>1)</sup> Wiggers, I. 39.

Различію характеровъ, по всей вѣроятности, надобно приписать различіе путей, избранныхъ обоими друзьями послѣ оставленія ими Рима. Между тѣмъ какъ Целестій послѣ короткой остановки въ Кароагенѣ отправился въ Іерусалимъ и все еще желалъ оставаться пока въ сравнительной неизвѣстности, Целестій остался въ Кароагенѣ, который въ эту пору былъ центромъ религіозной жизни западнаго христіанскаго міра, и сталъ домогаться доущенія въ санъ пресвитера. Онъ по видимому не предполагалъ, что отъ него требуютъ испытанія въ вѣрѣ и доказательствъ его православія. Другіе въ Кароагенѣ думали иначе, между прочими Павлинъ діаконовъ, другъ Августина и биографъ св. Амвросія. Ревностный Павлинъ недоволенъ былъ популярностію, которую стали приобрѣтать воззрѣнія Целестія въ средѣ знатныхъ римлянъ, теперь пребывавшихъ въ Африкѣ<sup>1)</sup>; когда онъ услышалъ, что Целестій намѣренъ просить посвященія, онъ формально донесъ на него, какъ на еретика, епископу кароагенскому Аврелію. Созванъ былъ соборъ: Павлинъ предсталъ обвинителемъ, Целестій искусно защищалъ себя. Изъ свѣдѣній о соборѣ, записанныхъ Августиномъ въ книгѣ— „О первородномъ грѣхѣ“, мы узнаемъ, что Целестій не отвергалъ прямо ученія о переходѣ грѣха, а только говорилъ, что онъ сомнѣвается относительно сего предмета и „готовъ согласиться со всякимъ, которому Богъ даровалъ благодать мудрости“. Онъ слышалъ, какъ лица, состоявшія пресвитерами католической Церкви, проповѣдывали ученія, различавшіяся отъ общепризнаннаго. Когда его попросили назвать лицъ, которые подобнымъ образомъ учили, онъ указалъ на Руффина. Другіе пункты испытанія всѣ имѣли отношеніе къ высказанному имъ мнѣнію о первородномъ грѣхѣ. Ясно было, что онъ не держится ученія о первородномъ грѣхѣ, хотя онъ и признавалъ крещеніе необходимымъ для младенцевъ. Онъ доказывалъ, что это—вопросъ умозрительный и не касается основъ вѣры. Со-

---

<sup>1)</sup> Per ora eorum, qui ejus discipuli perebantur, dogmata ejus fervebant. Август. De Gest. Pal.

борь болѣе, чѣмъ онъ, сурово взглянулъ на его мнѣнія и отлучилъ его. Орозій, испанскій пресвитеръ, личность выдающаяся въ исторіи пелагианства, былъ въ это время въ Каррагенѣ; въ своей апологіи онъ пишетъ не безъ очевидной радости: „Целестій думалъ достигнуть чести пресвитерства, но былъ разоблаченъ, испытанъ, обличенъ, отлученъ Церковію и покинулъ Африку бѣглецомъ <sup>1)</sup>. Онъ отправился, какъ рассказываетъ Марій Меркаторъ, въ Ефесъ, но вѣроятно по пути заѣхалъ снова въ Сицилію. Папа Зосима впоследствии писалъ объ этомъ соборѣ, что отцы его ничего не обсудили ясно по дѣлу Целестія <sup>2)</sup>. Августинъ на каррагенскомъ соборѣ не присутствовалъ, но извѣстія о немъ скоро дошли до него. Онъ все еще занятъ былъ довершеніемъ низверженія донатистовъ; но важность новаго предмета состязаній сразу же обратила его вниманіе. Стоя, какъ могучій боецъ, готовый сразиться со всякимъ врагомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, который напалъ бы на его „*Божій градъ*“, онъ не опускалъ мимо своихъ ушей даже самаго легкаго шопота, въ которомъ слышались звуки ложнаго ученія. Онъ поправилъ манихейство съ его чудовищной системой царства свѣта и царства тьмы; онъ сокрушилъ донатистовъ съ ихъ узкимъ сектаріанизмомъ и съ взглядами на церковную дисциплину, долженствовавшими остановить распространеніе Церкви въ мірѣ. И прежде, чѣмъ онъ успокоился отъ этихъ своихъ трудовъ, онъ встрѣчаетъ новую форму заблужденія. Это заблужденіе касалось не объективныхъ сторонъ вѣры, не великихъ истинъ о Св. Троицѣ, которыя до сихъ поръ вызвали энергію въ учителяхъ Церкви. Это было заблужденіе относительно субъективныхъ сторонъ вѣры, относительно которыхъ не было постановлено никакого опредѣленія, не существовало ничего точнаго и авторизованнаго. Дѣло въ такомъ положеніи нельзя было оставлять долѣе. Шопоть еретическій, который онъ слышалъ и прежде, сталъ переходить въ шумъ; теперь вредныя мнѣнія откры-

---

<sup>1)</sup> Apolog. p. 621.

<sup>2)</sup> Tillemont, Memoires, XIII. 576.

то были исповѣданы и публично защищаемы предъ соборожъ Церкви. Надобно было опасаться, какъ бы весь строй богословскаго ученія относительно безпомощности человѣческой природы, относительно зависимости отъ благодати и относительно важности таинствъ не сдѣлался предметомъ вопросовъ и сомнѣній.

Съ этого момента началось созданіе августиніанской системы богословія. Сочиненія противъ манихеевъ и донатистовъ, сокрушеніе язычества въ „Градъ Божіемъ“, комментаріи и бесѣды еще не составляютъ самыхъ важныхъ, по крайней мѣрѣ самыхъ типическихъ, произведеній этого знаменитѣйшаго учителя западной церкви. Настоящаго Августиновскаго богословія надобно искать въ антипелагіанскихъ твореніяхъ Августина; система его развилась и выработалась при составленіи этихъ твореній и въ спорахъ съ пелагіанами. Гений и энергія, проявленныя Августиномъ въ его системѣ богословія, дали окончательный и рѣшительный законъ всей теологіи западнаго христіанскаго міра относительно важнѣйшихъ вопросовъ вѣры: свободы воли, предопредѣленія, благодати и первороднаго грѣха. „Евангелія и Апостольскія Писанія“ (замѣчаетъ англійскій церковный историкъ Мильманъ) остановились на границахъ достижимаго для человѣка пониманія. Августинъ безстрашно ринулся впередъ или вѣрнѣе былъ увлеченъ своими противниками, и частію посредствомъ умозаключеній новой религіозной философіи, частію посредствомъ вывода общихъ положеній изъ частныхъ выраженій св. Писанія, составилъ законченную и—это долженъ всякій признать,—гармоническую систему, которой цѣлю было утвердить тѣ ученія, для которыхъ не существовало дотолѣ окончательныхъ и авторизованныхъ опредѣленій. Вскорѣ послѣ карфагенскаго собора, когда умы были сильно возбуждены современными вопросами, великій западный учитель, котораго слава уже прочно утвердилась во всей католической Церкви, получилъ отъ разныхъ лицъ, интересовавшихся возбужденными вопросами, просьбы разрѣшить удручающія

---

<sup>4</sup>) History of Christianity, III, 264.

ихъ сомнѣнія. Изъ Карфагена трибунъ Марцеллинъ и Гоноратъ изъ Сициліи монахъ Иларій просили его помочь имъ. Онъ не отказалъ имъ въ помощи.

„Накопецъ меня вынудили (говорить онъ въ своихъ *Retractationes*) писать противъ новой пелагіанской ереси, противъ которой, когда вызывалъ случай, доселѣ я только говорилъ. Изъ Карфагена прислали мнѣ нѣсколько вопросовъ съ тѣмъ, чтобы я отвѣчалъ на нихъ письменно; исполняя это, я написалъ три книги; заглавіе первой изъ нихъ „*De peccatorum meritis et remissione*“; въ ней главнымъ образомъ разбираются вопросы о крещеніи младенцевъ въ отношеніи къ первородному грѣху, о Благодати Божіей, которою мы оправданы, то есть содѣланы правыми, хотя въ этой жизни никто не можетъ сохранить заповѣдей Божіихъ въ такой полнотѣ, чтобы не имѣть нужды молить: *остави намъ долги наша*. Этихъ истинъ не признаютъ оспователи новой ереси. По въ этихъ книгахъ я разсудилъ лучше не упоминать ихъ именъ, думая, что такое забвеніе можетъ помочь ихъ обращенію отъ ереси. О Пелагій я упомянулъ даже съ значительною похвалою. Объ его жизни многіе очень высоко отзываются, и если я высказалъ другія сужденія о немъ, то не отъ своего лица, а какъ чувства другихъ лицъ. Целестій, его ученикъ, уже подвергся отлученію на судѣ предъ нѣсколькими епископами въ Карфагенѣ, на которомъ я впрочемъ не присутствовалъ“.

Трибунъ Марцеллинъ, которому адресована была первая изъ поименованныхъ трехъ книгъ, былъ убитъ во время мятежа весною 413 года. Это обстоятельство даетъ намъ средства съ полною точностію опредѣлить время появленія первыхъ анти-пелагіанскихъ сочиненій Августина.

Въ этомъ трактатѣ, посланномъ Марцеллину, одно положеніе крайне обезпokoило трибуна. Августинъ высказалъ, какъ теоретическое, положеніе, что человѣкъ можетъ быть безъ грѣха въ этой жизни; Марцеллинъ никакъ немогъ примирить этого съ другимъ его положеніемъ, что никогда не было и вѣроятно никогда не будетъ примѣра такой святости. Онъ искренно поэтому желалъ, чтобы Августинъ объяснилъ ему это противорѣчіе. Просьба трибуна вызвала второй трактатъ Августина: „*De spiritu et littera*“. Въ этомъ трактатѣ самымъ яркимъ образомъ отобразились и недостатки и высокія достоинства знаменитаго богослова. Трактатъ

многословенъ, обиленъ выводами и не совсѣмъ логиченъ, и въ то же время краснорѣчивъ, оставляетъ сильное впечатлѣніе и показываетъ въ авторѣ глубокое пониманіе Писанія. Вопросъ о возможности совершенства обходится чрезъ неопровергаемое положеніе: для Бога все возможно. Слабость человѣческой природы выставлена въ самомъ яркомъ свѣтѣ и доведена до послѣднихъ границъ; *практическая* невозможность совершенства доказывается съ особенною силою <sup>1)</sup>. Въ отвѣтѣ Иларію, написанномъ вскорѣ послѣ поименованнаго трактата, Августинъ отрицаетъ даже теоретическую возможность совершенства для человѣка. Три поименованныя сочиненія Августина противъ пелагіанъ—больше объяснительнаго и учительнаго, чѣмъ строго полемическаго характера. Пелагіане пока мало высказывались, и потому всегда можно было усомниться въ дѣйствительныхъ свойствахъ ихъ ученія. Но въ слѣдующемъ году (414 г.) произошла перемѣна. Августинъ получилъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ ученіи Целестія отъ Павла и Евтропія и написалъ противъ него трактатъ „De perfectione Iustitiae“. Разсужденія Целестія представляютъ образчикъ фальшивыхъ дилеммъ. Вотъ на примѣръ какъ онъ заключаетъ:

„Того, кто говоритъ, что человѣкъ не можетъ быть безъ грѣха, прежде всего нужно было бы спросить: что есть грѣхъ? Можно ли его избѣгать, или нѣтъ? Если нѣтъ, то онъ невѣримъ; если да, тогда человѣкъ можетъ быть безъ него. Еще: есть ли грѣхъ продуктъ свободной воли, или слѣдствіе необходимости? Если необходимости, онъ не грѣхъ; если—свободной воли, его можно избѣгать. Еще: что такое грѣхъ, принадлежность ли природы или дѣло случая? Если принадлежность природы, онъ не грѣхъ, если дѣло случая, тогда онъ можетъ и не быть“.

Целестій приписываетъ человѣку моральную природную способность, моральную силу, достаточную для того, чтобы онъ выпол-

---

<sup>1)</sup> Въ этомъ трактатѣ Августинъ смѣло утверждаетъ, что когда Павелъ говоритъ, что язычники *естественно* законная творятъ, то апостолъ разумѣетъ здѣсь язычниковъ, сдѣлавшихся христіанами и творящихъ законное съ помощію Св. Духа.

нили нравственныя свои обязанности. Августинъ съ великою силою замѣчаетъ на это, что дѣйствительно нѣкогда человѣкъ находился въ подобномъ состояніи, но—не теперь. Грѣховность человѣка, теперь правда неизбѣжная, не освобождаетъ его отъ наказанія, „потому что единственно отъ свободной воли человѣка произошло то, что онъ дошелъ до этой необходимости, которой средствами одной собственной воли теперь для него уже не возможно побѣдить“. Умозаключенія Целестія вполнѣ заслуживали болѣе жесткаго отвѣта, чѣмъ какой далъ на нихъ Августинъ. Они грубы, задорны и болтливы. Целестій покушался здѣсь употребить сократическій методъ, но на самомъ дѣлѣ его умозаключенія больше походятъ на словоизверженія софиста, ищущаго какъ бы запутать, а не на разсужденія философа, ищущаго какъ бы открыть истину. Они вполнѣ подтверждаютъ то замѣчаніе Виггерса, что Целестій больше стоялъ за теоретическую, чѣмъ за практическую сторону ученія Пелагія. Очевидно, что Пелагій гораздо больше приписывалъ Божественной помощи, чѣмъ Целестій, и что Пелагій, утверждая возможность совершенства, въ значительной хотя и не въ надлежащей степени допускалъ Благодать Божію. Онъ не избѣгалъ употреблять терминъ „помощи“ (djutorium), чего, какъ замѣчаетъ Августинъ, Целестій избѣгаетъ. Въ этомъ трактатѣ Августинъ болѣе сильно выражается о возможности совершенства, чѣмъ въ написанныхъ имъ прежде. Онъ отказывается отрицать не только то, что это совершенство можетъ встрѣтиться, но также и то, что оно бывало въ мірѣ и есть теперь. Повидимому онъ почти склоняется здѣсь къ воззрѣніямъ пелагіанъ, но только—повидимому; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ производитъ это совершенство не отъ способностей человѣка, какъ пелагіане, а отъ всемогущества Божественной Благодати. На этомъ пунктѣ мы встрѣчаемъ весьма ясное различіе между взглядами Августина и другаго великаго противника пелагіанъ—Иеронима. Уму Иеронима способность человѣка быть совершеннымъ представлялась самымъ дерзкимъ и богохульнымъ понятіемъ, какого только держались пелагіане; между тѣмъ какъ въ своихъ воззрѣніяхъ на первородный

грѣхъ Іеронимъ болѣе Августина приближался къ ученію Пелагія. По суду современниковъ Іеронимъ стоялъ даже выше Августина, но потомство измѣнило этотъ приговоръ. Во всякомъ случаѣ Іеронимъ, какъ контроверсалистъ, существенно различается отъ Августина. Ревность внолешскаго затворника не умѣрялась нисколько деликатностію и любезностію, которыя смягчали строгое краснорѣчіе Августина. Въ его глазахъ чедовѣкъ расходящійся съ нимъ былъ его врагъ, котораго вужно низложить, какое бы орудіе для этого не представилось. Руффинъ вѣкогда былъ его любимымъ другомъ, но когда опъ осмѣлялся переводить Оригена, то получилъ отъ Іеронима цѣлый корабль проклятій. Меланія—римская матрона, основавшая въ Іерусалимѣ больницу для благочестивыхъ путешественниковъ, которая много лѣтъ сряду была предметомъ самыхъ восторженныхъ похвалъ Іеронима, за то, что вступила въ дружбу съ Руффиномъ, была сбозвана Іеронимомъ „червою, какъ ея имя, за ея коварную низость“<sup>1)</sup>. Такъ было и съ Евагріемъ, кроткимъ египетскимъ монахомъ, съ пресвитеромъ Іовиніаномъ, осмѣлившимся защищать бракъ, и теперь съ Пелагіемъ. „Я диктовалъ (пишетъ Іеронимъ) мои комментаріи на Іеремію въ промежуткахъ, когда у меня оставалось отъ другихъ занятій свободное время, какъ вдругъ услышалъ, что *ересь безстрастія и безрѣчности*, о которыхъ учили Зенонъ и Пнеагоръ,—ересь прежде всего пораженная въ Оригенѣ и его ученикахъ Грувнѣ (Руффинѣ), Евагріѣ Понтійскомъ и Іовиніанѣ,—начала снова усливаться и втихомолку распространять свои заблужденія не только по Западу, по и по Востоку, заражать многихъ на островахъ, особенно въ Сициліи и Родосѣ, усиливаясь съ каждымъ днемъ, между тѣмъ какъ проповѣдники ея публично отрицаются отъ того, чему учатъ частнымъ образомъ<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Hieron. Opera. I. 808 (ed. 1609).

<sup>2)</sup> Hieron. Praefat. in Hieremiae Comm. lib. IV. Подобное же сужденіе встрѣчается у Іеронима и въ его предисловіи къ шестой книгѣ Толкованія на Іезекиля, написанномъ нѣсколько раньше.

Взаимное нерасположеніе возродилось въ Іеронимѣ и Пелагій еще прежде написанія этой замѣтки. Въ предисловіи къ третьей книгѣ толкованій на Іеремію Іеронимъ жалуется, что Пелагій разослалъ по всему міру „письма, полныя жалобъ на него“; въ предисловіи къ четвертой книгѣ онъ жалуется на „лицъ, которыя распространяли письма, нагруженные ложью, обманами и предательствомъ, по всему міру, чтобы увлечь простодушныхъ и разсѣять повсюду хуленія“. „Повторяющіяся постоянно просьбы моихъ собратій заставили (говоритъ Іеронимъ) меня отвѣчать этимъ людямъ, хотя я и желалъ сохранить миръ и плотать скорбь мою въ молчаніи. Однако у меня далеко не всё связи порваны, чтобы писать о нихъ поименно. Я больше желалъ бы исправить ихъ, чѣмъ безчестить. Этимъ людямъ я не врагъ, я врагъ ихъ заблужденіямъ. Конечно, они желаютъ отмстить на мнѣ прежнія мои нападенія на ихъ учителей, Руффана и Ювиніана, но поступая такъ они сами выказываютъ свою безпомощность и отсутствіе способности отвѣчать письменно. Они не могутъ даже браниться своими собственными словами“. Эти слова Іеронима Виггерсъ, кажется, просмотрѣлъ или пропустилъ безъ вниманія, когда, описывая пребываніе Пелагія въ Іерусалимѣ, онъ въ числѣ друзей его именуетъ и Іеронима; равно они противорѣчатъ и представленной имъ характеристикѣ Пелагія, будто онъ былъ человѣкъ мягкій, не предприимчивый и любяль уединеніе <sup>1)</sup>. Если вѣрить Іерониму, что онъ долго старался прощать своимъ врагамъ, то мы должны признать, что Пелагій довольно долго жилъ въ Іерусалимѣ и приобрѣлъ здѣсь большое вліяніе. Фактъ несомнѣнный: Пелагій вошелъ въ милость у іерусалимскаго епископа Іоанна и имѣлъ за себя могущественную партію.

Первое прямое нападеніе на мнѣнія Пелагія сдѣлалъ Іеронимъ въ видѣ письма къ Ктезифону. Нѣкоторые изъ членовъ семейства Ктезифона, кажется, были заражены воззрѣніями Пелагія. При составленіи письма Іеронимъ имѣлъ уже предъ собою болѣе опре-

---

<sup>1)</sup> Виггерсъ, I. 183.

дѣленное изложеніе пелагіанскихъ мнѣній, чѣмъ Августинъ, когда послѣдній писалъ первый изъ своихъ трактатовъ противъ пелагіанства. Въ концѣ 413 года были обнародованы два сочиненія Пелагія. Одно — это утѣшительное и увѣщательное письмо къ одной вдовѣ по имени Ливаніи, другое — посланіе къ Димитрію, благодной дѣвцѣ изъ знаменитой Аникіанской фамиліи, которая послѣ своего бѣгства изъ Рима посвятила себя благочестивой жизни въ Африкѣ. Относительно подлинности пераго существуютъ сомнѣнія. Пелагія обвиняли на іерусалимскомъ соборѣ въ писаніи странныхъ поощреній къ самоправедности; онъ прямо и торжественно отрицалъ, чтобы онъ когда нибудь писалъ что нибудь подобное, и объявилъ, что онъ самъ готовъ анафематствовать, впрочемъ не какъ еретика а какъ помѣшаннаго, всякаго, кто написалъ бы это <sup>1)</sup>. Относительно послѣдняго письма — дѣло другое. Пелагій самъ призналъ его своимъ и еще указывалъ на него, какъ на выраженіе своихъ воззрѣній, въ своей аппелляціи къ папѣ Иннокентію. Письмо это дошло до насъ и, странное дѣло, приписывалось Іерониму, человѣку, такъ горячо писавшему противъ этого же письма. Беда первый замѣтилъ, что оно не было сочиненіемъ Іеронима; но онъ приписывалъ его Юліану Евланскому. Всѣ признаютъ изящество этого сочиненія. Между многими антиправославными мыслями здѣсь находятся и такіа сужденія, которыя совсѣмъ не мирятся съ общепринятымъ понятіемъ, что Пелагій отвергалъ необходимость благодати. Говоря о человѣкѣ, что онъ сотворенъ съ свободою волею, Пелагій продолжаетъ:

„Ты должна остерегаться—предполагать, вмѣстѣ съ неученымъ простымъ народомъ, что человѣкъ не сотворенъ добрымъ, потому что онъ имѣетъ власть дѣлать злое и потому что добро не было необходимостію для него. Если ты размотришь этотъ предметъ внимательно и основательно, то увидишь, что такое состояніе человѣка выше по той же самой причинѣ, по которой люди считаютъ оное ниже. Въ этой власти различать, въ этой свободѣ избирать то или другое и состоятъ слава разумной души. Въ этомъ

---

<sup>1)</sup> Август. De Gestis Palaest. Opera. VII. 510.

честь и достоинство человѣческой природы. Добродѣтель не была бы добровольною, если бы порокъ былъ невозможенъ; безъ этого не могло бы быть похвалы или награды за добрыя дѣла и вообще за добродѣтель. Милосердый Создатель восхотѣлъ, чтобы мы имѣли власть творить то и другое, но чтобы творили только одно, именно, что Онъ заповѣдалъ. Поэтому наша власть дѣлать зло—въ сущности благо. Разумное твореніе выше другихъ твореній въ этомъ отношеніи, потому что для нихъ добро—дѣло природы и необходимости, для него—предметъ избранія. Тѣ нечестивы значить, которые, дѣлая злое, обвиняютъ человѣческую природу. Они въ заблужденіи. Даже въ язычникахъ, невѣдающихъ Бога, доброе начало человѣческой природы иногда проявляется. Чего же послѣ этого не въ состояніи сдѣлать христіане, которыхъ природа и жизнь приучены чрезъ Христа къ лучшимъ предметамъ и которые пользуются помощію Божественной Благодати? <sup>1)</sup> Пусть каждый посмотритъ въ себя самого съ прилежнымъ вниманіемъ. Что, скажи мнѣ, въ грѣхѣ возбуждаетъ стыдъ и страхъ, заставляетъ краснѣть и блѣднѣть? Почему даже при небольшихъ преступленіяхъ мы избѣгаемъ свидѣтелей? Отъ чего мы чувствуемъ угрызеніе совѣсти? Между тѣмъ напротивъ, когда дѣлаемъ правое, мы бываемъ спокойны, ничего не боимся и желаемъ, чтобы насъ видѣли всѣ. Есть въ нашихъ душахъ природная такъ сказать святость, которая, предсѣдательствуя въ крѣпости нашего духа, судитъ доброе и злое, одобряетъ честныя и правыя дѣйствія, осуждаетъ злыя, и, по свидѣтельству совѣсти, производитъ судъ надъ частными случаями по своему собственному закону. Для всего этого не нужно бываетъ особенной какой нибудь пронизательности и доказательствъ; она обвиняетъ или оправдываетъ насъ нашими собственными мыслями, самыми вѣрными и самыми истинными свидѣтелями. Эта природная святость и есть тотъ самый законъ, о которомъ Апостоль упоминаетъ въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ, что язычники, закона не имуще, сами себѣ суть законъ. Этимъ закопомъ всѣ святые, жившіе между Адамомъ и Моисеемъ, благоугодили Богу... Но если до дарованія закона и до пришествія Спасителя нѣкоторые, какъ извѣстно, жили праведно, то гораздо болѣе послѣ Его пришествія мы должны вѣрить, что это возможно для насъ, очищенныхъ Благодатию Христовою, возрожденныхъ къ лучшему бытію, искупленныхъ и омытыхъ Его кровію, и возбуждаемыхъ къ полной праведности Его примѣромъ. Будемъ помнить

---

<sup>1)</sup> «Quorum in melius per Christo natura et vita instructa est, et qui divinae quoque gratiae juvantur auxilio».

слова Апостола Павла: грѣхъ да не обладаетъ вами, зане вы не подѣ зако- номъ, а подѣ благодатию“.

Надобно сказать, что въ представленномъ нами извлеченіи нѣтъ ничего особенно еретическаго, но въ этомъ письмѣ есть другія страницы, которыя подлежатъ осужденію за крайнее преувеличеніе силъ человѣческой природы <sup>1)</sup>).

Въ письмѣ къ Ктезифону Іеронимъ сравниваетъ мнѣнія Пелагія съ мнѣніями языческихъ философовъ, и объявляетъ затѣмъ, что его ученіе есть прямое воспроизведеніе заблужденій Манеса, Евагрія, Прицилліана и Іовиніана:

---

<sup>1)</sup> Что касается до нѣскольکو льстиваго тона Пелагіева письма, то, если сравнить оно съ письмами Августина, Іеронима и Проспера, писанными къ той же Димитріи, сравненіе это, можетъ быть, и не повредятъ ему. Августинъ напримѣръ въ своемъ письмѣ призываетъ мать Димитріи Юліану пасть шире предъ ся дочерью, избравшею святое дѣвство: Просперъ превозноситъ выборъ ея дѣвства, какъ высочайшее проявленіе совершеннѣйшей святости. Но въ преувеличенныхъ похвалахъ Димитріи никто не превзошелъ Іеронима. Онъ писалъ:

«Всѣ церкви Азіійскія взыграли отъ радости. Въ городахъ, крѣпостяхъ, деревняхъ и даже въ шатрахъ кочевниковъ—всѣ знаютъ эту великую новость. Всѣ острова между Африкой и Италіей заняты этимъ извѣстіемъ, которое быстро распро- страняется дальше. Италия сняла свой трауръ, и полуразрушенныя стѣны Рима возстановили часть своего древняго блеска, убѣжденные, что Господь умилостивился совершеннымъ обращеніемъ Своей избранницы. Ты можешь подумать, что Готское войско разбито, что толпа разбойниковъ и рабовъ пала подѣ громомъ Божіимъ: Римскій народъ не возставалъ и не ободрялся такъ скоро послѣ Требіи, Оразимена и Каннъ и т. д.

Августинъ, Іеронимъ, Просперъ и Пелагій совершчали другъ съ другомъ въ прославленіи знатной римлянки за ея обѣтъ дѣвства и съ нѣкоторымъ со- ревнованіемъ спорили другъ съ другомъ за первое мѣсто во вліяніи на ея рѣшимость. Августинъ въ письмѣ къ Юліанѣ приписываетъ рѣшимость Димитріи дѣйствию своего краспорѣчія. Іеронимъ и Пелагій упорно утверждаютъ, что мать святой дѣвы усердно просила ихъ писать имъ письма, между тѣмъ Прос- перъ открыто порицаетъ Пелагія и его совѣты, и проситъ Димитрію остере- гаться Пелагія. Не менѣе Проспера былъ вооруженъ противъ Пелагія и Іеро- нимъ, который также предостерегаетъ Димитрію противъ британскаго монаха, хотя и не называетъ его по имени. Для большаго ознакомленія своей ученици съ опаснымъ характеромъ мнѣній Пелагія, Іеронимъ рекомендуетъ ей проче- тать другое его сочиненіе, разумѣя, безъ сомнѣнія, свое письмо къ Ктезифону, первый противупелагіанскій трудъ свой.

„Правда и пелагиане говорятъ о Благодати Божіей, но по ихъ понятіямъ она просто состоитъ въ устройствѣ человѣческой природы и въ дарѣ свободы. Они отвергають, что ияѣють нужду въ помогающей Благодати Божіей, потому что чрезъ это они примрачили бы свободу воли. Вслѣдствіе этого они отвергають необходимость молитвы, поста и самоотреченія... Если какой нибудь христіанинъ можетъ быть безъ грѣха, когда захочетъ: то всѣ христіане были бы безгрѣшны, потому что какой христіанинъ не захотѣлъ бы этого?.. Вы (пелагиане) обвиняете меня въ манихействѣ, но безъ всякаго основанія. Вы никогда не услышите отъ меня, что природа зла. Вы скажите, я прошу васъ, чему вы частнымъ образомъ учите вашихъ учениковъ. Стыдаться публично объявить свое ученіе—вотъ въ чомъ опасная ересь“.

Письмо къ Ктезифону представляетъ собою поспѣшный протестъ противъ пелагианскихъ мнѣній, а не настоящее богословское опроверженіе ихъ. Но оно весьма важно въ томъ отношеніи, что изъ него видно, какіе пункты въ ученіи Пелагія показали уму Іеронима особенно выдающимися и достойными порицанія. Онъ не останавливается, какъ Августинъ, на вопросѣ о первородномъ грѣхѣ, не настаиваетъ на теоріи поврежденія, причиненнаго паденіемъ Адама. Ничего подобнаго нѣтъ въ письмѣ Іеронима, и по тому его рѣчи видно, что онъ не прочь былъ бы отступиться отъ взглядовъ Августина. То, что казалось Іерониму болѣе всего достойнымъ осужденія въ пелагианскомъ ученіи, это увѣреніе ихъ въ возможности достиженія человѣкомъ совершенства въ этой жизни; и онъ полагалъ, что указывалъ роковую несостоятельность и полную нелѣпность пелагианства, когда приводилъ увѣреніе Пелагія, что „совершенство возможно, но что никогда его не было“. Подобное Пелагіеву увѣреніе сдѣлалъ и Августинъ въ своемъ трактатѣ къ Марцеллину, и въ объясненіе онаго написалъ второй трактатъ: «De Spiritu et Litera». Въ богословскихъ воззрѣніяхъ Августинъ и Іеронимъ во многомъ не сходились между собою. Одинъ былъ метафизикъ, создававшій системы, которыя правда могли заключать въ себѣ противорѣчія практическимъ истинамъ, но которыя въ цѣломъ были гармоничны и были защищаемы съ великимъ краснорѣчіемъ и искусствомъ. Другой не былъ творцомъ системъ, а

объяснителемъ, ревностно защищавшимъ, съ помощію обширной учености и при діалектической тонкости своего разсудка, то, что, казалось ему, составляетъ буквальный смыслъ Писанія, и мало обращающимъ вниманія на состоятельность своихъ воззрѣній, взятыхъ въ ихъ цѣлостности. Преобладающая мысль у Іеронима — это необходимость умерщвленія плоти; самую достопоприцаемую вещь въ Пелагіѣ онъ считалъ его увѣренность въ могущество вѣ воли и въ нравственной крѣпости, необходимо принадлежащихъ будто бы христіанину. Свое главное нападеніе на эти воззрѣнія Іеронимъ рѣшилъ сдѣлать въ формѣ разговора. „По обстоятельствамъ времени, Ктезифону я писалъ коротко (говоритъ Іеронимъ). Въ настоящемъ трактатѣ я буду слѣдовать сократическому методу, чтобы выставить все, что могутъ сказать обѣ стороны. Пусть никто не думаетъ, что писать меня заставила ненависть. Я никогда не имѣлъ обычая шадить еретиковъ. Враги Церкви всегда были моими врагами“. Разговаривающими лицами Іеронимъ избираетъ Аттика и Кратобула, — первый высказываетъ мнѣнія Іеронима, послѣдній — Пелагія. Теперь уже мы не слышимъ больше отъ Іеронима жалобъ на скрытность Пелагія. Послѣ письма къ Ктезифону Пелагіѣ обнародовалъ книгу «De natura», которая содержала полное изложеніе его мнѣній. Изъ ней и бралъ Іеронимъ всѣ положенія, чтобы отвѣчать на нихъ. Но и теперь главнымъ образомъ занимаетъ его вопросъ о возможности совершенства; о благодати и первородномъ грѣхѣ говорится у него мало. Относительно первой Іеронимъ довольствуется изложеніемъ католическаго ученія о содѣйствующей благодати. Пелагіанскій взглядъ состоялъ въ томъ, что благодать Божія дана человѣку разъ навсегда при его твореніи — въ видѣ моральнаго могущества его природы, и что это могущество можетъ подвигать его къ добру. Іеронимъ напротивъ стоитъ за необходимость особенной помощи свыше для каждаго добраго дѣла въ частности. „Свободная воля (говоритъ онъ) всегда при человѣкѣ, и однакожь мы не должны отвергать пужды въ особенной помощи Божіей“. Іеронимъ стоитъ такимъ образомъ посредниѣ

между Пелагіемъ и Августиномъ въ своихъ взглядахъ на благодать. Относительно первороднаго грѣха онъ еще болѣе не сходится съ богословіемъ Августина. По взгляду послѣдняго всякій индивидуумъ человѣческаго рода совершилъ чрезъ Адама, своего представителя, дѣйствительный *личнѣй* грѣхъ; по взгляду Иеронима, грѣхъ этотъ только *вмѣняется* въ вину и есть грѣхъ *не собственный, а чужой* (non propter, sed alienum). Пелагій отвергалъ и дѣйствительную и вмѣняемую вину, и смотрѣлъ на преступленіе Адама, какъ на великое бѣдствіе для человѣческаго рода, внесшее грѣхъ въ практику и вызвавшее наказаніе смертію. Весьма рѣзкія выраженія, въ какихъ пелагіане высказывали свое воззрѣніе на возможность совершенства (*легко* для чловѣка, если онъ захочетъ, сохранить заповѣди Божіи), весьма хорошо разбираются Иеронимомъ; но онъ менѣе успѣшенъ въ объясненіи теоретической ложности ученія о способности къ совершенству. Замѣтить надобно, что пелагіане стояли только за совершенство относительное, *на сколько* (quoad) оно достижимо для человѣческой природы. Они никогда не пытались объявить возможнымъ для чловѣка достиженіе *абсолютнаго совершенства*. Здѣсь Иеронимъ опять ставитъ въ связь пелагіанскія воззрѣнія съ древними ересями и съ ученіями языческихъ философовъ, чѣмъ опять отличается отъ Августина, который постоянно провозглашалъ, что это новая и не слыханная ересь. Впрочемъ съ особеннымъ удовольствіемъ мы можемъ замѣтить здѣсь, что, не смотря на частныя разнорѣчія, между этими двумя великими учителями западной церкви было постоянно согласіе въ существенномъ. Изыщный комплиментъ, въ которомъ Иеронимъ признаетъ заслуги своего современника, вполне заслуживаетъ того, чтобы привести его здѣсь:

Scriptis dudum vir sanctus et eloquens episcopus Augustinus ad Marcellinum, unde supersedendum huic labori censeo ne dicatur mihi illude Horatii—

„In silvam ne ligna feras“.

Aut enim eadem dicereemus ex superfluo, aut si nova voluerimus dicere clarissimo ingenio occupata sunt meliora“.

Слѣдя дальнѣйшую исторію спора съ пелагіанами, мы встрѣчаемъ Августина выступившимъ уже противъ самого Пелагія. Первые сочиненія направлены были имъ противъ воззрѣній Целестія, но по просьбѣ Тимазія и Іакова, двухъ молодыхъ людей, близко знакомыхъ ему, которые сдѣлались учениками Пелагія, онъ предпринялъ написать опроверженіе на сочиненіе Пелагія „*О человеческой природѣ*“, о которомъ мы упоминали прежде. Пелагій написалъ эту книгу вслѣдствіе письма Іеронима къ Ктезифону; Іеронимъ съ своей стороны отвѣчалъ на нее діалогами. Но и Августинъ при такомъ случаѣ не могъ молчать. Книга Пелагія прямо противорѣчила самымъ дорогимъ его убѣжденіямъ, и казалась ему весьма опасною для душъ вѣрующихъ. „Я ясно вижу, какъ вреденъ для спасенія христіанъ ядъ этой отравы“, восклицаетъ Августинъ. О сочиненіи Пелагія мы можемъ судить только по выдержкамъ, сдѣланнымъ изъ онаго его противниками.

„Я увѣряю (пишетъ Пелагій), что человѣкъ можетъ быть безъ грѣха. Что же вы говорите? Что онъ *не можетъ* быть безъ грѣха? Вопросъ не въ томъ, *есть ли* или *не есть* онъ безъ грѣха, а въ томъ, *можетъ* или *не можетъ* быть? Вы допустите, что *можетъ*, но прибавите: при помощи Благодати Божіей. Очень много обязанъ вамъ, потому что мое увѣреніе, противъ котораго столь долгое время вы возставали, вы не только что перестали опровергать, не только что допускаете, а еще сами доказываете. Говорить: да, это возможно, но такъ-то или такъ, это значитъ не только соглашаться на возможность вещи, но даже указывать форму и способъ этой возможности, и никто лучше и больше не доказываетъ возможности, какъ кто указываетъ форму ея, потому что форма не можетъ существовать безъ вещи. Но вы скажете: если ты не упоминаешь при этомъ случаѣ о Благодати Божіей, ты значитъ отвергаешь ее? Я отвѣчу: я ли отвергаю ее, когда я признаю существованіе вещи и этимъ самымъ признаю уже и способъ, посредствомъ котораго вещь можетъ быть сдѣлана? Или вы, когда отрицая вещь вы этимъ самымъ отрицаете и то, чѣмъ эта вещь можетъ быть сдѣлана? Чѣмъ бы возможность быть безъ грѣха ни достигалась, Бла-

годатью, помощью, или милосердіемъ Божиимъ, тотъ допускаетъ все это, кто допускаетъ эту возможность“ <sup>1)</sup>).

Приведенное мѣсто можетъ служить образцомъ той логомахіи, которою отличался трактатъ Пелагія и которая до того запутала умы поименованныхъ нами двухъ молодыхъ людей, что они вынуждены были обратиться за разъясненіями къ Августину. Но софизмы не могли обмануть Августина, который своимъ проніцательнымъ взглядомъ тотчасъ же увидалъ слабые пункты въ положеніяхъ своего противника. Онъ проходитъ вслѣдъ за Пелагіемъ чрезъ всѣ извороты его мысли и до очевидности ясно показываешь, что Пелагій слишкомъ въ малой, въ самой ничтожной, степени признаетъ слабость человѣческой природы и нужду въ божественной благодати. Всякій, кто прочитаетъ трактатъ «De natura et Gratia», убѣдится, что Пелагій не отвергалъ безусловно Божественной благодати, и даже если бы не знали другихъ его положеній, кромѣ тѣхъ, которыя опровергаетъ Августинъ, мы должны были бы признать, что онъ во многихъ значеніяхъ допускалъ нужду въ благодати. Прекрасно и справедливо судить объ этомъ одинъ новѣйшій ученый, когда пишетъ: „Пелагій несомнѣнно смѣшивалъ на своемъ языкѣ благодать и природу... Но не видно однакожь, чтобы самъ Пелагій ограничивалъ понятіе о благодати или природою, т. е. силами первоначально дарованными человѣку при его сотвореніи, или внѣшнимъ пособіемъ божественнаго закона. Напротивъ онъ включаетъ въ это понятіе тѣ внутреннія божественныя возбужденія и духовныя дары, которые обыкновенно обозначаются этимъ словомъ“ <sup>2)</sup>. Во всемъ трактатѣ Августинъ, въ прямую противоположность Іерониму, сохраняетъ почтительный и вѣжливый тонъ относительно своего противника, и повременамъ разсыпается даже въ похвалахъ его талантамъ и остроумію. Трактатъ этотъ образецъ

---

<sup>1)</sup> Август. De Natura et Gratia. Opera. VII. 279.

<sup>2)</sup> Англійскій историкъ Mozley въ сочиненіи: On Augustinian doctrine of Predestination, p. 53.

истинно христіанскаго опроверженія. „Я опровергалъ эти воззрѣнія (пишетъ Августинъ Павлину) ради тѣхъ, которые держались ихъ, но такимъ образомъ, чтобы также и учитель ихъ личнымъ какимъ раздраженіемъ не былъ отвлеченъ отъ исправленія и чтобы несчастное заблужденіе могло быть уничтожено безъ причиненія боли его виновнику“. Тимазій и Іаковъ, молодые люди, для которыхъ Августинъ писалъ, были поражены и убѣждены доводами его, и ихъ письмо, исполненное самой горячей благодарности, должно было показаться Августину пріятною наградою за трудъ, предпринятый имъ по ихъ просьбѣ. „Мы обновлены и обрадованы (пишутъ они) благодатію Божіею, дѣйствовавшей чрезъ тебя, благословенный владыка и досточтимый отецъ! Мы находимъ, что твоя святость разсмотрѣла и разобрала содержаніе этой книги до послѣдней мелочи, и насъ не мало удивили твои отвѣты на каждую отдѣльную главу. Среди всѣхъ этихъ благодѣяній одно возбуждаетъ въ насъ скорбь, что мы такъ поздно сподобились славы принять этотъ отиѣнный даръ Божіей благодати... Мы благодаримъ тебя и за то, что мы теперь въ состояніи и другимъ объяснить тѣ предметы, въ которыхъ сами убѣждены“. Во всякомъ случаѣ Августинъ въ этомъ обстоятельстве могъ видѣть нѣкоторые плоды своихъ трудовъ и получить ободреніе на дальнѣйшее мужественное пораженіе ученія, казавшагося ему столь опаснымъ для вѣры.

Говоря о пелагианскихъ спорахъ, мы нѣсколько разъ упоминали объ Орозіѣ, какъ объ участникѣ въ оныхъ. Первое знакомство его съ Августиномъ заставляетъ насъ рассказать здѣсь слѣдующую интересную исторію. Вопросъ о происхожденіи и природѣ души между другими вопросами занималъ видное мѣсто въ умозрѣніяхъ александрійскихъ ученыхъ; имъ интересовались и враги матеріи—манихеи и присциллиане. Августинъ, принимавшій участіе во всѣхъ вопросахъ и спорахъ своего вѣка, не оставилъ безъ разсмотрѣнія и этого предмета. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ сочиненій онъ много говорилъ объ этомъ предметѣ, по положительнаго заключе-

нія не вывелъ. Говоря о двухъ теоріяхъ происхожденія душъ, теоріи отдѣльнаго творенія и теоріи распложенія, онъ восклицаетъ: „Но какая польза долше трудиться надъ этимъ? Я и самъ сомнѣваюсь и колеблюсь между двумя воззрѣніями. Въ одно время я склоняюсь къ одному, въ другое къ другому“<sup>1)</sup>. Но такое состояніе нерѣшительности продолжалось не долго. Начались манихейскіе споры и Августинъ написалъ трактатъ объ этомъ предметѣ. Трактатъ имѣлъ довольно странное заглавіе: „De Quantitate Animae“. „Я писалъ діалогъ (говоритъ онъ въ своихъ *Retractationes*), въ которомъ разбираю много вопросовъ, именно: касательно души, ея происхожденія, качества, количества, зачѣмъ она дарована тѣлу, чѣмъ она стала вслѣдствіе соединенія ея съ тѣломъ и чѣмъ дѣлается по разлученіи съ нимъ“. Главною задачею трактата, по видимому, было—показать вопреки манихеямъ, что въ извѣстномъ смыслѣ матеріальность можетъ быть справедливо приписана душѣ, какъ она приписывается тѣлу. Затѣмъ Августинъ утверждалъ, что душа, по соединеніи своемъ съ тѣломъ, вноситъ въ него всѣ свои способности и что обученіе ея есть не болѣе, какъ воспоминаніе: къ этому онъ прибавлялъ, что „принимать это платоническое ученіе—еще не значитъ принимать взглядъ Платона на предсуществованіе душъ“, вопросъ о которомъ Августинъ пока оставилъ безъ рѣшенія. Но въ слѣдующемъ сочиненіи противъ манихеевъ (*De libero arbitrio*) онъ высказывается полнѣе и яснѣе. Онъ излагаетъ здѣсь четыре взгляда на происхожденіе душъ и говоритъ, что можно держаться любого изъ нихъ, потому что Церковь ничего не опредѣлила относительно этого предмета. Очевидно впрочемъ, Августинъ въ эту пору склонялся больше къ теоріи отдѣльнаго творенія. Манихеи насоздавали самыхъ дикихъ теорій относительно пагубныхъ послѣдствій принятія начала творенія; Августинъ опровергаетъ всѣ.

Трактатъ этотъ побудилъ Орозія обратиться къ Августину съ

---

<sup>1)</sup> Август. *De Genesi*, Opera, III, 233.

просьбою о дальнѣйшемъ разъясненіи предмета. Въ Испаніи, гдѣ жиялъ Орозій, одна секта, называвшаяся присцилліанами и стремившаяся примирить и соединить воззрѣнія гностиковъ и манихеевъ, сбивала его съ толку своими умозрѣніями. Августинъ съ тою удивительною готовностію, съ какою онъ всегда готовъ былъ помочь лицамъ, находящимся въ состояніи сомнѣнія или затрудненія, написалъ сряду же короткій трактатъ, служившій отвѣтомъ на запросы Орозія. Здѣсь онъ весьма прямо становится на сторону теоріи отдѣльнаго творенія <sup>1)</sup>. Но когда онъ былъ вовлеченъ въ пелагіанскій споръ, онъ нашолъ, что теорія эта крайне неудобна. Какъ, принимая ее, можно объяснить распространеніе первороднаго грѣха? Поэтому онъ вскорѣ началъ колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ касательно отдѣльнаго творенія душъ и склоняться въ другую сторону. Слѣды этого колебанія мы находимъ въ его трактатѣ къ Марцеллину; и когда Орозій, желая получить болѣе опредѣленное сужденіе Августина объ этомъ и другихъ побочныхъ вопросахъ, прибылъ въ Африку для личнаго свиданія съ епископомъ, онъ нашолъ великаго учителя уже съ совершенно иными воззрѣніями на происхожденіе душъ. Желая однакожь удовлетворить желанію Орозія, онъ написалъ къ Иерониму объ этомъ вопросѣ письмо и вручилъ оно Орозію отвезти.

„Я писалъ (говоритъ онъ) святому пресвитеру Иерониму касательно происхожденія души, спрашивая у него совѣта, можетъ ли быть то его мнѣніе которое онъ высказалъ въ письмѣ своемъ къ Марцеллину, именно что души отдѣльно творятся для каждаго недѣльнаго при его рожденіи, содержимо безъ колебанія твердаго вѣрованія Церкви въ то, что въ Адамѣ все умираемъ и что младенцы, пока они не освобождаются Благодатію Христовою, дѣйствующею въ нихъ чрезъ крещеніе, подлежатъ осужденію? Случай послать письмо это Иерониму доставилъ мнѣ Орозій, благочестивѣйшій и любознательный юноша, который пришелъ ко мнѣ изъ отдаленной Испаніи—единственно изъ ревностной любви къ Писавію. Мнѣ было прискорбно разставаться съ нимъ, однако я убѣдилъ его отправиться къ Иерониму“ <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Августинъ Ad Orosium. Opera VII. 234.

<sup>2)</sup> Август. Ep. ad Evodium.

Въ письмѣ къ Иерониму онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ вопросъ, занимавшій Орозія. Принявъ, что душа принимаетъ на себя виновность прежде соединенія своего съ тѣломъ, онъ потомъ спрашиваетъ: *идь же* она принимаетъ на себя виновность?

„Въ книгѣ о свободной волѣ, которую я писалъ нѣсколько лѣтъ назадъ я приводилъ четыре мнѣнія о происхожденіи души, изъ которыхъ можно и позволительно держаться какого угодно: 1) или души происходятъ отъ души перваго человѣка; 2) или онѣ вновь творятся для каждаго человѣка; 3) или *посылаются* Богомъ изъ какого либо прежняго состоянія существованія, или 4) сами собою *приходятъ въ тѣла*... Я былъ бы радъ имѣть объ этихъ мнѣніяхъ твое сужденіе... Если душа каждаго творится при рожденіи, то гдѣ тогда души младенцевъ заражаются грѣхомъ, такъ что нуждаются въ таинствѣ крещенія? Или, если онѣ не повинны во грѣхѣ, то скажи мнѣ, какъ могутъ онѣ справедливо быть связаны грѣхомъ, который не есть ихъ грѣхъ?... Мы должны также взять во вниманіе временныя бѣдствія, которыя душа можетъ переносить отъ болѣзней тѣла вслѣдствіе ближайшаго союза съ нимъ. Можно ли защитить справедливость перенесенія болѣзней душею при этомъ предположеніи? Я признаюсь, что основанія, которыя я приводилъ въ моемъ сочиненіи „о свободной волѣ“, теперь *уже* удовлетворяютъ меня самого“<sup>1)</sup>).

Одни ли только эти отвлеченныя соображенія заставили Августина измѣнить свои воззрѣнія, или поводомъ въ этому послужило затрудненіе—при опроверженіи пелагіанъ, представляемое принятіемъ теоріи отдѣльнаго творенія душъ? При теоріи *распространенія души*, которую теперь принялъ Августинъ и съ этихъ поръ ревностно защищалъ и которая утверждала, что души происходятъ отъ души Адама, какъ тѣла отъ его тѣла, *личное* участіе каждаго человѣка въ грѣхѣ Адама гораздо проще и удобнѣе объяснялось. Иеронимъ, который не чувствовалъ необходимости приспособлять всѣ другія частныя мнѣнія къ великому центральному догмату о первородномъ грѣхѣ, уклонился отъ высказанія мнѣнія объ этомъ предметѣ.

Прибытіе Орозія въ Иерусалимъ съ порученіемъ Августина

---

1) Август. Ad Hieron. Opera II. 34.

имѣло важное вліяніе на судьбу Пелагія. Августина Орозій оставилъ въ самомъ разгарѣ пелагіанскихъ споровъ и кромѣ того за составленіемъ книги: *De natura et Gratia*; прибывъ въ Палестину, онъ здѣсь нашелъ и Іеронима въ подобныхъ же трудахъ. Прибытіе Орозія относится къ началу 415 года, когда „Діалоги“ противъ пелагіанъ уже вышли въ свѣтъ. Въ Іеронимѣ никогда не было недостатка въ ревности къ преніямъ; но прибытіе Орозія безъ сомнѣнія привело ревность его въ большее напряженіе. По взгляду Виггера Августинь, посылая Орозія, именно и имѣлъ въ виду подвинуть на Востокъ дѣла противъ пелагіанъ къ рѣшительному кризису. Нѣмецкій ученый пишетъ:

„Августинь увидѣлъ, что въ Орозіѣ представился ему именно такой человѣкъ, котораго онъ можетъ употребить для своихъ цѣлей. Онъ познакомилъ его со всѣми обстоятельствами пелагіанскихъ и противупелагіанскихъ движеній въ Африкѣ, снабдилъ его своими сочиненіями противъ пелагіанъ и отправилъ его въ Палестину принять участіе въ возбужденіи Востока къ движенію противъ пелагіанъ и ихъ ученія. По трудному вопросу о происхожденіи душъ, имѣвшему весьма большую важность для ученія о первородномъ грѣхѣ, онъ довольно искусно отослалъ его къ Іерониму, какъ прежде Іеронимъ съ подобными же вопросами отсылалъ другихъ къ Августину“<sup>1)</sup>.

Мы думаемъ, что германскій ученый нѣсколько преувеличиваетъ искусство Августина. Но во всякомъ случаѣ посланный самъ дѣйствительно обнаружилъ самую горячую ревность по дѣлу опроверженія пелагіанъ, и немного спустя послѣ прибытія въ Палестину плодомъ его ревности было то, что Іоаннь, епископъ іерусалимскій, разослалъ приглашенія на соборъ, долженствовавшій разсмотрѣть ученіе пелагіанъ. Объ этомъ соборѣ до насъ дошелъ обширный отчетъ, составленный Орозіемъ. Случилось такъ, что во время засѣданій собора, на самого Орозія представлено было обвиненіе въ богохульствѣ; чтобы оправдать себя и въ тоже время еще съ большею силою напасть на пелагіанъ, онъ составилъ свою „Книгу Аполлогіи“, которая дошла и до насъ.

---

<sup>1)</sup> Виггерст, I. 190.

Въ апологіи Орозія находимъ нѣсколько очень живыхъ описаній. „Вотъ стоитъ (пишетъ онъ о Пелагіѣ) неукротимѣйшій въ гордости, Голиафъ, превозносящійся тѣлесною силою, убѣжденный, что онъ самъ все сдѣлать въ состояніи; разодѣтъ онъ во множество одеждъ, и имѣетъ позади себя своего оруженосца, который, хотя самъ и не сражается, снабжаетъ его оружіемъ изъ мѣди и стали“. Оруженосецъ этотъ былъ Анніанъ, діаконъ, который съ великою ревностію стоялъ за воззрѣнія Пелагія. Орозій, явившись на соборъ, указалъ на обвиненіе, высказанное Августиномъ противъ воззрѣній Пелагія и Целестія. „Что за важность для меня Августинъ?“ — воскликнулъ британецъ, гордо выступая впередъ. Латинскіе пресвитеры ужаснулись, слыша такую хулу, но греческихъ епископовъ она не удивила столько. „Прими меня за Августина, возразилъ Іоаннъ, епископъ іерусалимскій, и отвѣчай, что противъ тебя высказано“. Тогда Пелагій сознался, что онъ дѣйствительно держался того убѣжденія, что человѣкъ можетъ быть, если захочетъ, безъ грѣха. „Да, если прибавить: при помощи Божіей; говорить иначе — значитъ говорить хулу“ (возразилъ епископъ Іоаннъ). Орозій, видя, что вѣтеръ начинаетъ дуть противъ него, замѣтилъ: „Эта ересь латинская; она должна быть судима въ латинскихъ округахъ и латинскими судьями“. Епископъ Іоаннъ, видя, что ему представляется самый удобный путь избѣгнуть осужденія Пелагія, съ готовностію согласился на замѣчаніе Орозія. „Нужно обратиться къ его святости Иннокентію, папѣ Римскому, и пусть будетъ такъ, какъ онъ рѣшитъ“, заключилъ Іоаннъ <sup>1)</sup>).

Въ отчетѣ самого Іоанна объ этомъ соборѣ, дѣло изложено болѣе благопріятно для Пелагія. Когда епископъ указалъ на слова Апостола: „но не я, а благодать Божія, которая во мнѣ“, Пелагій тогда сказалъ: „и я также вѣрую; и пусть тотъ будетъ анагема, кто говоритъ, что человѣкъ можетъ придти къ совершенству во всякой добродѣтели безъ помощи Божіей“ <sup>2)</sup>).

<sup>1)</sup> Orosii Apolog. 620—625.

<sup>2)</sup> Aug. de Gestis Palaest.

Но у Орозія и Іеронима неожиданно явились новые союзники. Два епископа изъ Галліи, изгнанные съ родины (по какой причинѣ, ясно не указано), Герось или Иродъ (Heros) и Лазарь прибыли въ Палестину и, по настоянію Іеронима, взялись быть обвинителями Пелагія. Они были латинскіе предаты, являлись обвинителями противъ латинскаго еретика, и потому самому, можно было предполагать, ихъ обвиненіе будетъ имѣть силу. Четырнадцать епископовъ собрались въ Діосполѣ (древней Лиддѣ), чтобы изслѣдовать обвиненіе; но по какому то странному случаю обвинители не заблагоразсудили предстать на соборъ. Это ли обстоятельство имѣло вліяніе, или ловкій и готовый всегда на уступки Пелагій перехитрилъ епископовъ, только Діоспольскіе отцы произнесли полное оправданіе Пелагію и опредѣлили, что „онъ есть истинный членъ Церкви и человекъ правовѣрующій (каеоликъ)“.

Опредѣленіе это не было особенно важно, такъ какъ епископы были безъ сомнѣнія очень мало способны судить о терминахъ латинской ереси; но это опредѣленіе интересно въ томъ отношеніи, что оно обнаружило еще разъ огромное различіе между характерами Іеронима и Августина, какъ контроверсіалистовъ. Первый пришелъ въ крайнюю ярость. Онъ обвиняетъ соборъ въ самыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ, называя его „несчастливымъ Діоспольскимъ соборомъ, на которомъ ересіархъ Пелагій своимъ крючкотворствомъ провелъ своихъ судей и былъ оправданъ, благодаря полнѣйшему невѣжеству ихъ“<sup>1)</sup>. Но Августинъ, болѣе благоразумный и осторожный, смотрѣлъ на дѣло иначе и — болѣе резонно. Не слѣдовало, думалъ онъ, допускать, что соборъ дѣйствительно одобрилъ эти мнѣнія. Необходимо было показать, что настоящихъ своихъ возрѣній Пелагій не высказалъ передъ нимъ; что никакого приговора надъ ними не было произнесено, и что при такихъ обстоятельствахъ отцы въ Діосполѣ и не могли иначе опредѣлить, чѣмъ какъ опредѣлили. Доказыванію этого Августинъ посвятилъ новое весьма

---

<sup>1)</sup> Іерон. Ер. 81.

обработанное сочиненіе «De Gestis Palaestinis», которое, заключаая въ себѣ обзорѣніе всего спора съ самаго начала, составляетъ главный источникъ для исторіи пелагіанства <sup>1)</sup>. „Я не обвиняю (пишетъ Августинъ) суда въ небрежности, или нечестности, или въ какомъ либо одобреніи нечестивыхъ ученій; но, смотря на судъ, какъ онъ того заслуживаетъ, я тѣмъ не менѣе говорю, что Пелагій въ глазахъ тѣхъ, которымъ онъ больше извѣстенъ, не долженъ считаться, какъ мнѣ кажется, оправданнымъ. Ибо члены собора, судя о предметѣ, о которомъ они знали весьма мало и судя въ отсутствіе лицъ, внесшихъ на Пелагія обвиненіе, не способны были испытать этого человѣка болѣе точно; однакожь что касается до самой ереси, если только ея приверженцы не отступятся отъ своего ученія, отцы рѣшительно высказались противъ нее“. Были также и другіе предметы, относительно которыхъ Августину нужно было объясниться, кромѣ этого. Пелагій представилъ на соборъ много одобрительныхъ писемъ отъ епископовъ и между другими любезное письмо отъ самого Августина, о которомъ мы упоминали прежде. Можетъ быть было бы лучше Августину оставить безъ объясненій указаніе Пелагія на его вѣжливое, какимъ оно и было, письмо, чѣмъ пытаться объяснить свое посланіе въ смыслъ глубокаго религіознаго предостереженія, потому что языкъ письма противорѣчитъ такому толкованію.

Между тѣмъ Пелагій не замедлилъ воспользоваться преимуществами, доставленными ему его оправданіемъ въ Діосполѣ. Одному пресвитеру, предостерегавшему его отъ произведенія раскола въ Церкви, онъ съ торжествомъ указывалъ, что теперь его ученіе одобрено соборомъ четырнадцати епископовъ. Онъ дерзнулъ даже рассчитывать получить одобреніе отъ славнаго иппонійскаго епископа, и для этого послалъ ему отчетъ о соборѣ, который, какъ послѣ узналъ Августинъ, не отличался аккуратностію и вѣрностію

---

<sup>1)</sup> Сочиненіе это было долго неизвѣстно и открыто въ Фезолѣ въ концѣ XVI ст. Vossii Histor. Pelag. p. 53.

извѣстій. Соборъ сопровождался и болѣе позорными слѣдствіями. Торжество предводителя поощрило послѣдователей его къ насильственнымъ демонстраціямъ противъ побѣжденныхъ противниковъ, и, тайно поощряемая епископомъ Іоанномъ, толпа пелагіанъ посѣтила убѣжище Іеронима въ Виолемѣ, насильственно напала на него и на женщинъ и учениковъ, жившихъ подъ его руководствомъ. При этомъ убили они одного діакона, монастырь предали огню, самъ Іеронимъ долженъ былъ искать убѣжища въ укрѣпленной башнѣ, которая и остановила ярость нападающихъ. Пелагій, какъ кажется, не былъ замѣшанъ въ этихъ жестокостяхъ. Тяжкій выговоръ, посланный папой Иннокентіемъ епископу Іоанну, былъ посланъ настоящему виновнику всего происшедшаго, которымъ руководила зависть къ великой славѣ Іеронима. Августинъ также написалъ кроткое, но серьезное письмо епископу Іоанну, выставивъ въ немъ всѣ основныя заблужденія Пелагія.

Но былъ еще одинъ пунктъ, который всего болѣе занималъ Августина: какъ епископъ Римскій посмотритъ на опредѣленіе палестинскаго собора? Подтверждать опредѣленія провинціальныхъ соборовъ — составляло прямой интересъ для лица, уже и тогда претендовавшаго быть вселенскимъ епископомъ. Черезъ это онъ поощрялъ всѣхъ обращаться къ нему во всѣхъ случаяхъ и воспитывалъ убѣжденіе, что его согласіе необходимо нужно для твердости всякаго приговора Церкви <sup>1)</sup>. Съ этой ли точки зрѣнія посмотреть Иннокентій, тогда занимавшій римскій престолъ, на соборъ Діоспольскій, или вліяніе Августина въ силахъ будетъ отратить папу отъ пути, вступить на который вызывали очевидные его интересы? Чтобы дать въ рѣшеніи папы перевѣсъ своему вліянію надъ вліяніемъ собора Діоспольскаго, Августинъ тотчасъ же взялъ на себя трудъ организовать собраніе двухъ соборовъ въ Африкѣ, на которыхъ бы присутствовало на каждомъ большее число епископовъ, чѣмъ какое было собрано въ Діосполѣ. Одинъ изъ

---

<sup>1)</sup> Виггерсъ, I, 202.

этихъ соборовъ созванъ былъ въ Кароагенѣ; предсѣдательствовали на немъ Аврелій, мѣстный епископъ, неизмѣнный другъ Августина уже пять лѣтъ назадъ осудившій положенія Целестія. Соборъ этотъ состоялся въ 416 году изъ 68 епископовъ. Результатъ его совѣщаній былъ сообщенъ письменно папѣ Иннокентію. Отцы не сочли нужнымъ пригласить Пелагія или Целестія. Орозій, къ этой порѣ возвратившійся въ Кароагенъ, явился на соборъ съ готовыми доказательствами и представилъ письма Героса и Лазаря; вслѣдствіе чего соборъ объявилъ, что онъ призналъ Пелагія и Целестія виновными въ гнусномъ и проклятомъ заблужденіи, и приглашалъ папу анаѳематствовать оное, не смотря на то, что рѣшено было въ Діосполѣ <sup>1)</sup>. Отвѣтъ папы показать, что африканскіе епископы поступили очень разсчетливо.

„Вы хорошо сдѣлали (ишиеть папа), что принесли предъ насъ свой приговоръ и особенно, что совѣтуетесь съ нами касательно онаго, поколику всякое епископство и всякій авторитетъ онаго происходятъ отъ апостольскаго престола, и что бы ни было сдѣлано въ отдаленнѣйшихъ закоулкахъ, ничто не должно считаться оконченнымъ, пока не будетъ представлено на утвержденіе предъ этотъ престолъ. У этого престола всѣ церкви въ мірѣ должны учиться тому, что повелѣвать, кого разрѣшить, кого осудить“.

Рѣшенія другаго собора, Милевискаго, на которомъ присутствовали Августинъ и 60 другихъ епископовъ, были почти такія же. Отцы также строго осудили эти новыя ереси, и, обращаясь къ папѣ Иннокентію, приглашали его властью, „происшедшею изъ яркаго свѣта Писаній“, заставить еретиковъ покориться <sup>2)</sup>. Но въ письмѣ изъ Милевиса было иѣчто такое, что оскорбило гордаго римскаго епископа. „Я не предполагаю (отвѣчалъ папа), чтобы люди, столь мудрые, какъ вы (что вы подтверждаете своими дѣйствіями, обращаясь ко мнѣ), не знали, что для всякой провинціи въ мірѣ окончательныя рѣшенія истекаютъ отъ апостольскаго источника. Какъ скоро вопросъ касается вѣры, всѣ наши братія и соепископы всегда

<sup>1)</sup> Binaei Concilia, I. 702.

<sup>2)</sup> Binaei Conc. I. 706.

должны относиться къ Петру, или, что все равно, къ носителю его имени и чести, ради общаго блага всѣхъ церквей въ мірѣ“. Африканскіе епископы за поддержку, оказанную имъ папой въ этомъ дѣлѣ, должны были заплатить цѣною независимости своей церкви, и Неандеръ и Вальцъ справедливо замѣчаютъ, что подобныя посланія въ Римъ и папскія рѣшенія по нимъ составляли очень рѣшительные шаги въ возрастаніи силы папской катедры. Кромѣ соборныхъ посланій было отправлено къ папѣ еще частное письмо отъ пяти главныхъ африканскихъ епископовъ, въ которомъ они просятъ папу, не откладывая, испытать Пелагія и чрезъ это обезсилить его оправданіе въ Діосполѣ. Папа отвѣчалъ, что онъ слышалъ о происходившемъ въ Діосполѣ отъ достовѣрныхъ людей, но что не имѣетъ еще у себя формальнаго донесенія. Онъ уклонился отъ вызова Пелагія на лицо къ себѣ, но высказалъ, что если онъ желаетъ очистить себя, то долженъ явиться къ нему. Строго и въ жесткихъ выраженіяхъ онъ отзывается о доставленныхъ ему сочиненіяхъ Пелагія.

Все повидимому шло какъ нельзя лучше и можно было надѣяться на скорое и окончательное осужденіе ереси, какъ вдругъ встрѣтилось неожиданное затрудненіе. Затрудненіе это произошло отъ перемѣны лица на престолѣ „непогрѣшимаго“ преемника Петрова. Иннокентій—латинянинъ былъ готовъ установить и утвердить богословскія воззрѣнія Августина. Зосима—грекъ, наслѣдовавшій Иннокентію, гораздо болѣе сочувствовалъ философскимъ умозрѣніямъ Пелагія. Западный христіанскій міръ болѣе интересовала субъективная сторона религіи; Восточная Церковь занималась почти исключительно объективной стороной ея. „Для первой антропология, для послѣдней богословіе въ тѣсномъ смыслѣ были существенно-важны<sup>1)</sup>“. Въ Восточной церкви признавалось существеннымъ—просто признавать благодать и свободную волю въ одно и то же время, безъ попытокъ опредѣлить въ точности отношенія ихъ другъ къ другу; тамъ старались только обойти все, что могло казаться благопріятствующимъ

<sup>1)</sup> Neander, Geschichte IV, 279 (ed. Bohn).

произволу со стороны Бога въ избраніи человѣка,—такъ называемое безусловное предопредѣленіе, которое очевидно не мирилось съ ученіемъ о божественной любви и правдѣ и о свободной волѣ человѣка“. Зосима, можно было предвидѣть, посмотреть на предметъ спора съ греческой точки зрѣнія; и такъ какъ папа не можетъ оправдываться невѣжествомъ, то Целестій немедленно по его вступленіи на папскій престолъ явился въ Римъ и сталъ просить папу объ отмѣненіи приговора Кароагенскаго собора, произнесеннаго противъ него шесть лѣтъ назадъ. Со времени своего осужденія Целестій жилъ главнымъ образомъ въ Ефесѣ, но посѣщалъ также и Константинополь, откуда, впрочемъ за что-то другое только не за ересь, онъ былъ удаленъ епископомъ Аттікомъ. Черезъ вліятельныхъ друзей онъ получилъ доступъ къ папѣ. „Хотя много у насъ (пишетъ папа) другихъ заботъ и хлопотъ по дѣламъ церковнымъ, однако мы, отложивъ все, позволили ему высказаться предъ нами въ базиликѣ св. Климента, ученика блаженнаго Петра и вѣрнаго мученика, чтобы авторитетъ столь славнаго пастыря помогъ нашему изслѣдованію“. Исповѣданіе Целестія было составлено искусно. Онъ надолго оставился на объективныхъ частяхъ своихъ вѣрованій, въ которыхъ онъ не разногласилъ съ церковью, но тѣ пункты, по которымъ онъ обвинялся въ ереси, онъ смягчилъ, сказавъ въ заключеніе:

„Если бы оказались нѣкоторые пункты, не вошедшіе въ мое исповѣданіе вѣры, то я никогда не усиливался установить оныя окончательнымъ авторитетомъ, какъ авторъ новаго догмата; но предлагалъ на вашъ апостольскій судъ то, что мы извлекли изъ источника пророческаго и апостольскаго; и если какое нибудь заблужденіе, вслѣдствіе моего недостаточнаго знанія, вкралось, оно можетъ быть исправлено по вашему рѣшенію“<sup>1)</sup>.

За всѣмъ тѣмъ однако онъ весьма прямо отвергалъ ученіе о первородномъ грѣхѣ; и если бы было еще мѣсто какому нибудь сомнѣнію относительно убѣжденій Целестія, то для этого вполне достаточно было сочиненій его—опубликованныхъ и хорошо извѣстныхъ, въ которыхъ папа могъ навести справки. Во всякомъ случаѣ

---

<sup>1)</sup> Август. De peccat. Orig. Opera VII. 302.

защитникамъ папской непогрѣшимости не дѣлаеть чести ихъ оправданіе, что въ ученіи этомъ была нѣкоторая темнота, которая будто бы помѣшала папѣ видѣть, въ чомъ дѣло; потому, когда папа послѣ нѣсколькихъ свиданій и внимательнаго разсмотрѣнія дѣла торжественно объявилъ Целестія православнымъ и отправилъ собору Каррагенскому выговоръ за осужденіе его, онъ на дѣлѣ весьма прямо и рѣшительно противорѣчилъ своему предшественнику Иннокентію. Но православнымъ суждено было увидѣть еще большій соблазнъ — со стороны Зосимы. Сряду послѣ оправданія Целестія пришли въ Римъ отъ епископа іерусалимскаго, преемника Іоанна, письма, исполненныя высокихъ похвалъ Пелагію, а самъ Пелагій издалъ свое исповѣданіе вѣры, которое и отправилъ къ папѣ. Это исповѣданіе вѣры можетъ считаться самымъ точнымъ и подлиннымъ выраженіемъ вѣрованій Пелагія. Послѣ православнаго изложенія ученія о Троицѣ, о воплощеніи, о воскресеніи тѣлѣ, крещеніи младенцевъ, авторитетѣ Писанія и т. д., Пелагій продолжаетъ:

„Мы также глушаемся хулы тѣхъ, которые говорятъ, что Богъ заповѣдалъ человѣку нѣкоторыя невозможныя вещи, или что заповѣди Божіи не могутъ быть исполнены однимъ какимъ нибудь человѣкомъ, хотя онъ могутъ быть исполнены всѣми людьми въ совокупности. Равно мы анаематствуемъ тѣхъ, которые говорятъ, что Сынъ Божій по помощи плоти говорилъ нѣчто ложное и что по причинѣ своей человѣческой природы Онъ не могъ дѣлать всего, что хотѣлъ. Мы признаемъ свободную волю, но такъ, что допускаемъ, что мы всегда нуждаемся въ Божіей помощи, и мы увѣрены, что тѣ заблуждаются, которые вмѣстѣ съ Манесомъ говорятъ, что мы не можемъ избѣжать грѣха, равно и тѣ, которые заодно съ Ювиніаномъ утверждаютъ, что человѣкъ не можетъ грѣшить. Оба изъ этихъ мнѣній уничтожаютъ свободу воли. Но мы говоримъ, что человѣкъ всегда находится въ такомъ состояніи, что онъ можетъ грѣшить и можетъ не грѣшить, такъ какъ мы всегда можемъ свободно располагать своею волею“<sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> *Vinacii Concilia*, I. 715.—Относительно исповѣданія Пелагіева случилась страшная исторія. Выраженіями о грѣховности Спасителя Пелагій дѣлаеть намекъ на Іеронима, который проводилъ подобныя мысли въ Диалогахъ противъ пелагіанъ. Нѣкоторые теологи, встрѣивъ въ исповѣданіи такой внимательный

Въ своемъ письмѣ къ Африканскимъ епископамъ папа рассказываетъ, что это сочиненіе Пелагій читалъ въ собраніи. „О еслибы кто нибудь изъ васъ, мои возлюбленные братія, могъ присутствовать при этомъ случаѣ (пишетъ папа). Радость и удивленіе всѣхъ находившихся въ собраніи были поразительны. Они едва могли удержаться отъ слезъ, когда вспоминали, что вѣра такихъ людей преслѣдовалась и опровергалась“ <sup>1)</sup>. Такъ искренно и рѣшительно папа оправдывалъ тѣхъ, которые признаны были еретиками на двухъ формальныхъ соборахъ, одобренныхъ и утвержденныхъ его предшественникомъ,—страница въ церковной исторіи очень непріятная для защитниковъ папской непогрѣшимости! Языкъ Зосимы столь искренень и восторженъ, что нельзя не пожалѣть папу, который чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вынужденъ былъ отречься и уничтожить это свое рѣшительное оправданіе, отлучить и осудить тѣхъ людей, которыхъ *правую вѣру* онъ столько превозносилъ. Дѣятельность и ревность Августина оказались сильнѣе папской власти и твердости, и измѣнившійся тонъ африканскихъ епископовъ скоро показалъ удивленному Зосимѣ, что онъ сдѣлалъ большую ошибку.

„Мы опредѣляемъ (пишетъ Соборъ 218 епископовъ, собравшихся въ Каррагенѣ въ ноябрѣ 417 г.), что приговоръ надъ Пелагіемъ и Целестіемъ, произнесенный достопочтеннымъ епископомъ Иннокентіемъ съ высоты кафедръ

---

протестъ противъ общепризнаннаго богохульнымъ ученія, приписали сочиненіе его Августину. Такъ одинъ невѣжественный собиратель трудовъ Августина внесъ въ число ихъ дѣликомъ и это исповѣданіе; и въ древнихъ изданіяхъ Августина оно печаталось сиозна подъ заглавіемъ—191 бесѣда—*De tempore*. Но что еще болѣе замѣчательно, Воссій, знаменитый голландскій богословъ, въ имени котораго обыкновенно и вполне заслуженно прибавляли *doctissimus*, въ своей Исторіи Пелагіанскихъ споровъ (487 стр.), цитуетъ слова символа Пелагіева, какъ принадлежащія Августину. Леллеркъ, другой знаменитый ученый,—тоже. Но этимъ еще не оканчиваются забавные факты, касающіеся этого исповѣданія вѣры. Приписываемое Августину оно также, что еще болѣе странно, приписывалось и Иерониму и, какъ принадлежащее ему, оно было читано и единодушно принято на соборѣ франкфуртскомъ (800 г.). Если столь многіе принимали исповѣданіе Пелагія за православное, то неудивительно, что папа Зосима одобрилъ оно.

<sup>1)</sup> Binaei Concilia, I. 713.

блаженнаго апостола Петра, долженъ оставаться въ полной силѣ, пока еретики въ прямомъ и чистомъ исповѣданіи не признаютъ, что намъ помогаетъ благодать Божія въ каждомъ отдѣльномъ актѣ праведности и что безъ ней мы неспособны обладать истиннымъ благочестіемъ,—неспособны думать, говорить и дѣлать правое“<sup>1)</sup>).

На подобное рѣшеніе собора папа иначе не могъ посмотрѣть, какъ на грубый отказъ и смѣлый вызовъ и, очень можетъ быть, онъ былъ бы въ состояніи постоять за свое оскорбленное достоинство; но въ Римѣ возникли волненія, а Августинъ, имѣвшій вліяніе на Валеріана, африканскаго губернатора, чрезъ него имѣлъ возможность подѣйствовать на дворъ Равеннскій. Папѣ оставалось уступить. Письмо, въ которомъ онъ старается расчислить заблаговременно дорогу себѣ къ переизслѣдованію дѣла, представляетъ единственный въ своемъ родѣ образчикъ:—заявленіе самыхъ высокоумѣрныхъ притязаній и въ тоже время примѣсъ чувствъ пораженія и раскаянія.

„Хотя (пишетъ побѣжденный папа) преданіе отцовъ даетъ такую великую власть Апостольскому престолу, что никто не долженъ осмѣливаться оспаривать его суда; и это подтверждается канонами и правилами Церкви и тѣмъ фактомъ, что церковная дисциплина всегда дѣйствуетъ во имя Петра, отъ котораго она происходитъ;—однакожь, не смотря на нашу великую власть, мы всегда старались приглашать васъ къ участию въ нашихъ совѣтахъ и относиться къ вамъ о разныхъ предметахъ не потому, чтобы мы были невѣжественны, и не потому, что мы иначе повредили бы Церкви, но по чувству христіанскаго братства. Этотъ человѣкъ (Целестій) былъ вами обвиненъ; онъ апеллировалъ къ намъ. Онъ требуетъ, чтобы обвинители его были поставлены съ нимъ лицомъ къ лицу, и объявляетъ, что касательно его распространены ложные слухи. Мы уже писали вамъ о немъ и увѣрены, что наше письмо составляетъ вполне достаточный отвѣтъ на ваши письма. Впрочемъ послѣ мы рассмотрѣли и длинное письмо, доставленное отъ васъ иподіакономъ Марцеллиномъ, и съ грустію увидѣли изъ него, что вы думаете, будто мы во всемъ повѣрили Целестію и дали рѣшительное одобреніе всѣмъ его сочиненіямъ. Ничто важное не должно дѣлаться поспѣшно, и всѣ

---

<sup>1)</sup> Виггерсъ, I. 210.

рѣшенія требуютъ величайшаго обсужденія. Будьте увѣрены, мы не измѣнили и не рѣшили ничего, но оставили всѣ дѣла совершенно въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ они находились, когда послѣдній разъ писалъ я вамъ“.

Зосима въ темнотѣ рѣчи ищетъ убѣжища и готовъ пересмотрѣть дѣло и пожертвовать Целестіемъ, лишь бы спасти кредитъ апостольскаго престола. Трудно впрочемъ защитникамъ его очистить отъ справедливаго укора ему, сдѣланнаго тогда же Юліаномъ Экланскимъ, что онъ или былъ такъ невѣжественъ въ богословіи, что не распозналъ различія положеній Пелагія и Целестія отъ православныхъ воззрѣній, или былъ такъ фальшивъ, что, одобрявъ положенія ихъ, онъ потомъ противъ убѣжденія своего взялъ одобреніе свое назадъ, покоряясь силѣ оппозиціи. Съ ревностію новаго прозелита и съ горечью въ сердцѣ отъ признанія сдѣланной ошибки Зосима теперь рѣшился преслѣдовать пелагианъ безъ замедленія и рассузденій. Съ другой стороны власть гражданская изъявила готовность дѣйствовать противъ еретиковъ своими средствами. Вскорѣ послѣ отправленія папою письма въ Африку (418 г.) отъ двора равенскаго пришелъ *священный едиктъ*, осуждающій пелагианъ. Вотъ этотъ документъ замѣчательный по надутости и цвѣтистости слога:

„Общая молва извѣстила насъ, что обнаружился новый видъ коварнаго лукавства, растроивающій свѣтлость каолическаго простодушія, которое всегда проливаетъ лучи чистаго блеска. Отуманенное призраками ложнаго знанія и производя возмущенія и нестроенія, это коварное лукавство старается нарушить прочное спокойствіе небесной вѣры. Воздымасное вѣтромъ новости и остроумія, оно считаетъ прямымъ признакомъ плебейской низости—думать, какъ всѣ; а ниспровергать то, что признается всѣми,—знакомъ особенной мудрости. Поэтому мы vzdали едиктъ, чтобы вожди этого проклятаго ученія, Пелагій и Целестій, были изгнаны изъ города; и если найдены будутъ послѣдователи ихъ, они должны быть представлены къ подлежащему судѣ, которому дается власть наказывать ихъ, будутъ ли они духовные или міряне“<sup>1)</sup>.

Едва прошло столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ подобные едикты,

<sup>1)</sup> Vlnaci Concilia, I. 717.

писанные подобнымъ же тономъ, были издаваемы языческими императорами противъ самой христіанской вѣры... Скорбное впечатлѣніе производить это *узаконеніе* преслѣдованія со стороны христіанскихъ государей, и еще болѣе жаль, что свѣтскую власть призывалъ къ вмѣшательству въ дѣла церковныя, чтобы силой заставить смолкнуть ереси, не кто другой какъ знаменитѣйшій учитель и первый богословъ Запада—самъ блаженный Августинъ!.. Если какой человекъ могъ положиться на свои способности къ диспутамъ, на свой талантъ раскрывать и опровергать ложныя ученія съ страшною силою доводовъ, — такъ это Августинъ. Въ его время послушные соборы только были эхомъ его опредѣленій, и папа, на моментъ воспротивившійся ему, былъ побѣжденъ его всемогущимъ вліяніемъ и принялъ его воззрѣнія. Была ли какая нужда послѣ этого, и возможно ли какое нибудь извиненіе для Августина въ томъ, что онъ привелъ въ дѣйствіе свѣтскую власть и заставилъ молчать своихъ противниковъ чрезъ изгнанія и конфискаціи? Однако Августинъ безъ смущенія сдѣлалъ это. Раньше онъ тою же силою сокрушилъ донатистовъ; ею же теперь онъ захотѣлъ сокрушить пелагіанъ. Чрезъ своего друга Валеріана онъ былъ могущественъ при дворѣ. Африка была житницею Италіи. Цезаря, уже колебавшіяся на шаткомъ тронѣ Запада, тѣмъ съ большимъ усердіемъ старались исполнять просьбы такихъ вліятельныхъ личностей, какъ губернаторъ Африки. Они издали эдиктъ, и преторіанскій префектъ привелъ его въ исполненіе. Укоризна была совершенно заслуженною, когда Юліанъ Еккланскій укорялъ знаменитаго африканскаго епископа тѣмъ, что „онъ призвалъ на помощь солдата чтобы сокрушить то, противъ чего онъ могъ бы отвѣчать разумными доводами!“ ...

Вскорѣ третій кареагенскій соборъ возобновилъ свои засѣданія. Ученія Пелагія были изложены предъ епископами. Они съ мельчайшими подробностями осудили всѣ пункты, разногласившіе съ православнымъ ученіемъ, какіе только выяснились въ продолженіи длинныхъ споровъ; нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ держался самъ Пелагій, а другихъ нѣтъ. На самомъ дѣлѣ каноны этого собора только

подтверждали богословскую систему Августина. Въ то же время и Августинъ, сообразно требованіямъ времени и обстоятельствъ, смягчилъ нѣсколько свои мнѣнія. Виггерсъ справедливо замѣчаетъ, что 7-е правило осуждаетъ теорію возможности быть безгрѣшнымъ даже при помощи благодати Божіей,—теорію, которую Августинъ защищалъ въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ противъ пелагіанъ. Нужно было теперь придать большую силу этому соборному опредѣленію: папа не замедлилъ признать оное. Помня впрочемъ свои прежнія похвалы лицамъ, теперь объявленнымъ еретиками, онъ написалъ длинное письмо, излагающее его вѣрованія касательно благодати и перво-роднаго грѣха, которое онъ разослалъ ко всѣмъ православнымъ епископамъ въ мірѣ. Къ этому письму епископы должны были подписаться, иначе должны были лишиться своихъ престоловъ. Огромное большинство епископовъ съ полною готовностію признало православнымъ папское вѣроизложеніе. Только 18 епископовъ отказались подписать, и, составивъ свое собственное вѣроизложеніе, отправили его папѣ. Самымъ замѣтнымъ между ними былъ Юліанъ Екланскій, отсель самый знаменитый защитникъ пелагіанскаго ученія. Пелагій изъ Палестины препроводилъ къ Августину чрезъ посредство общихъ обожь имъ друзей изложеніе своихъ вѣрованій касательно благодати и крещенія, очень сходное съ православными вѣрованіями. Но это повело только къ тому, что Августинъ издалъ два новыхъ трактата: „De Gratia Iesu Christi“ и „De Peccato Originali“.

Послѣ этого мы уже ничего болѣе не слышимъ о Пелагійѣ. Ему было около 70 лѣтъ, и безъ сомнѣнія онъ прожилъ недолго. Целестій по временамъ, не надолго впрочемъ, появляется въ церковной исторіи. Впрочемъ съ того времени, когда вмѣшалась свѣтская власть и изгнаніе и лишеніе имущества стали угрожать державшимся пелагіанскихъ воззрѣній, интересъ этой исторіи значительно слабѣетъ. Какой честный и разумный споръ можетъ быть съ человѣкомъ, надъ головой котораго вы во все время спора будете трясти палкой. Дис-

путь правомыслящаго, сидящаго на кафедрѣ, съ еретикомъ, стоящимъ на кострѣ, имѣеть мало интереса съ богословской точки зрѣнія.

Итакъ два западныхъ монаха привели весь христіанскій міръ въ движеніе, возбудили въ религіозномъ сознаніи много недоумѣній, которымъ вѣроятно суждено продолжаться, пока міръ стоитъ. Прошло ли это религіозное движеніе безъ всякой пользы? Оставляя на минуту въ сторонѣ великія заблужденія пелагіанства касательно первороднаго грѣха и другихъ предметовъ вѣры и смотря на него только какъ на поборника свободной воли, мы имѣемъ право сказать, что оно не прошло безъ пользы. Оно было сильнымъ протестомъ и составляло реакцію противъ манихейства, этой зловредной ереси, столь много страшнаго породившей въ средніе вѣка. Какъ система—манихейство было такъ нелѣпо, что оно не заслуживало опроверженія, но какъ чувство, оно много грустныхъ явленій породило въ средневѣковомъ западномъ христіанскомъ мірѣ <sup>1)</sup>. Августинъ напалъ и ниспровергнулъ манихейство какъ систему, но оно осталось жить и послѣ него какъ чувство. Онъ даже и не могъ и не хотѣлъ поражать его, какъ чувство,—что доказываетъ его „Исповѣдь“. Для этого нуженъ былъ другой умъ, болѣе увѣренный въ себѣ, болѣе смѣлый, какимъ и былъ умъ Пелагія. Во многихъ пунктахъ онъ прямо идетъ въ разрѣзъ съ вѣрою церкви, и навлекаетъ на себя справедливыя опроверженія и осужденіе; но въ спорѣ за свободную волю онъ только повторяетъ рѣчи и фразы восточныхъ отцовъ и учителей: Іустина, Климента, Оригена и Златоуста. Съ ихъ сочиненіями Августинъ, не совершенно владѣвшій греческимъ языкомъ, не былъ знакомъ,—а то можетъ быть онъ не съ такою суровостью трактовалъ бы нѣкоторыя изъ мнѣній Пелагія.

Ученіе Климента Александрійскаго объ этихъ предметахъ весьма замѣчательно. Онъ доказываетъ, что то необходимо для отвѣтственности людей, чтобы они не были движимы непреодолимо, подобно бездушнымъ машинамъ. Богъ ниспосылаетъ вѣчное спасеніе тѣмъ,

---

<sup>1)</sup> Milman, Latin Christianity, I. 118.

которые трудятся при Его помощи въ познаніи истины и въ добромъ дѣланіи; совершеніе Его заповѣдей — въ нашей собственной власти. Всякій человѣкъ участвуетъ въ божественныхъ благодѣяніяхъ потолику, поколику онъ избираетъ; потому что совершенство выбора зависитъ отъ дисциплины души, а согласіе съ выборомъ всегда въ нашей власти. Всѣ эти ученія были рѣшительно опущены изъ виду при великомъ смѣтеніи начала V вѣка; ихъ то и проповѣдывалъ, но только въ крайне преувеличенномъ видѣ, Пелагій и особенно его послѣдователи. Пелагій впалъ при этомъ въ отвратительныя заблужденія. Но съ другой стороны и сочиненія Августина, судимыя съ православной точки зрѣнія, не свободны отъ заблужденій; и хотя мы не можемъ принять приговора Виггера, будто Августинъ внесъ болѣе Пелагія новинъ въ христіанство, однако мы имѣемъ право въ виду погрѣшностей знаменитаго западнаго учителя многое извинить и въ его противникахъ. Двѣ радикальныя ошибки допустилъ Пелагій:—во-первыхъ въ ученіи, что человѣческій родъ не подверженъ никакому прирожденному злу вслѣдствіе грѣхопаденія Адама, но что зло этого преступленія состоитъ въ введеніи зла въ міръ, который потому и имѣетъ силу искушать людей и вліять на нихъ дурными примѣрами; и потомъ въ своемъ отверженіи нужды въ *предотвращающей* благодати. Между шестью родами благодати, исчисляемыми имъ, благодать, дѣйствующая на волю, не находитъ себѣ у него мѣста. Этого заблужденія держались потомъ и полу-пелагіане, отступившіеся отъ его ученія о перво-родномъ грѣхѣ. Но съ другой стороны ученіе Августина о *непреодолимой* благодати тоже не есть ученіе церкви; и хотя его заблужденіе повидимому исходитъ изъ чувства благочестія и набожности, тѣмъ не менѣе можно спросить: не болѣе ли оно опасно для нравственности, чѣмъ заблужденіе Пелагія, стоявшаго за свободу воли и за отвѣтственность, необходимо вытекающую изъ этой свободы?

Въ заключеніе — нѣсколько замѣчаній о монографіяхъ западныхъ ученыхъ относительно пелагіанства, на которыя мы ссылались въ

подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ текстѣ. Изъ двухъ трудовъ, заглавія которыхъ выписали мы подъ строкою въ началѣ статьи, ни одного нельзя назвать совершенно безукоризненнымъ. Виггерсъ слишкомъ ревностный сторонникъ пелагіанства и слишкомъ ужъ сурово относится къ лицу, которое во всякомъ случаѣ должно быть почитаемо однимъ изъ знаменитѣйшихъ учителей церкви. Вертеръ, выходя изъ убѣжденія, что всякое уклоненіе отъ католической доктрины необходимо не свободно отъ зла, бродитъ по полю изслѣдованій какъ бы съ завязанными глазами и не можетъ уловить истины. Болѣе удовлетворителенъ трудъ англійскаго ученаго Моцли („Августиновское ученіе о предопредѣленіи“), который по честности и всесторонности изслѣдованія, окончательно исчерпывающей предметъ споровъ между Августиномъ и пелагіанами, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Изъ болѣе старыхъ западныхъ сочиненій о пелагіанскомъ движеніи, упомянутыхъ нами въ примѣчаніяхъ подъ строкой, сочиненіе Воссія, при великой честности, слутано въ методѣ. Трудъ Янсенія во многихъ отношеніяхъ хорошъ, но мы отдаемъ предпочтеніе сочиненію кардинала Нориса и за ясность и за безпристрастіе. Перечислять и оцѣнивать всѣхъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, потребовалось бы много мѣста.

---



**Издательство православной  
богословской литературы  
“АКСИОН ЭСТИН”  
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

**Посетите наш сайт в интернете по адресу:**

**[www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)**

**На сайте:**

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **[info@axion.org.ru](mailto:info@axion.org.ru)**